

Н.В. ЗАХАРОВ

ЖУЛИКИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Николай Захаров
Анна Ермолаева
Жулики. Книга 4**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43449811

SelfPub; 2019

Аннотация

В книге описаны события, произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее лихими. Все совпадения имен персонажей с реально живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	41
Глава 4	67
Глава 5	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Глава 1

Через час парни вернулись с ксероксом и на глазах изумленного Академика подключив, скопировали тысячную купюру.

– Ты смотри, что японцы вытворяют?– Федор Леонидович взял в руки лист и принялся внимательно разглядывать отпечаток. Посмотрел на свет и, убедившись, что знаки водяные отсутствуют, огорченно вздохнул,– ну вот, а я уж размечтался, да и бумага, конечно, не та, не казначейская.

– Наш человек,– сделал заключение Серега.– Федор Леонидович, я такие способы знаю, как замостырить под подлинник, что вы, когда увидите, то сразу про свою филологию забудете и поймете, сколько лет зря потеряли. Это вам не словеса плести, тут мастерство тонкое, искусство можно сказать. Настоящих специалистов на всю страну раз, два и обчелся. Это академиков у нас, как собак нерезаных, а настоящих чистоделов даже милиция с собаками найти годами не может.

– Что вы говорите, Сергей? И где же всему этому обучают? Вот вы где постигали азы, так сказать?

– О-о-о!!! Федор Леонидович, мне можно сказать повезло сказочно. С каким человеком меня судьба свела в свое время!!! Два года рядом кровати стояли. Игорек Левша! Фамилия у него такая была. Может быть даже и потомок того са-

мого, который гвоздочки для блохи выковал.

Какой мастер был!

– Почему был? Он что умер?

– Да, Федор Леонидович, тубик в последней стадии. Засох на глазах. Ну и видно мастерство свое не хотел с собой уносить, поэтому много чего мне показал за два-то года. Представляете он на спор, из подручных материалов, не запрещенных, за три часа изготовил печать канцелярскую нашего учреждения, и на лбу ее проигравшему отпечатал. Один в один.

– Из чего же изготовил?

– Ну, резал ее на подошве, а штихеля сделал из ломаных полосок бритвы и спичек. Иголку с нитками еще использовал, а для краски штемпельной пасту из стержня, с одеколоном бодяжил. Ничего запретного, то, что вот прямо здесь можно найти. Спички, иголка, нитки, четвертинка лезвия "Спутник". Все. Ну, карандаш еще простой, и мел брал с толка пальцем.

– Однако! И на что спорили?– заинтересовался Академик.

– А на что там спорить можно? На еду, конечно, и курево. На сто пачек проигравший влетел. Примы – это состояние можно сказать целое. Полгода потом рассчитывался. А куда денешься?

– Вот как? Действительно, наверное, таких-то умельцев нынче раз, два и обчелся. Эх, маху я дал с выбором профессии. А все папенька и дед покойные, царствие им небесное.–

"Учись, да учись в Университете", — махнул рукой, улыбаясь, Академик. — А может не поздно еще начать обучение, а Сергей? Я вообще парень сообразительный и руки у меня ухватистые. А в детстве даже рисовал недурственно. Видел там, на стенке мазня развешена, так это я дурию маялся лет до сорока. Даже масло освоил. Видишь во-о-он тот портрет, на кого похож?

— На вас и похож! — присмотрелся Серега к портрету. — Вылитый вы, только молодой.

— Ну да, я и есть. В зеркало смотрел и мазал. Автопортрет называется. Так что не совсем уж и бесталанный. В ученики берете, аль нет?

— Ну, раз настаиваете, то куда я денусь, только чтоб не волынить и на хвори не ссылаться, а то знаю я вас академиков, чуть что, сразу за поясницу хватаетесь, — засмеялся Серега.

— Обещаю не волынить, а хвори мои что-то куда-то подевались в последнее время, просто сам себя не узнаю, даже на женщин стал посматривать. И это в моем-то возрасте.

— Ну что вы, Федор Леонидович, какой возраст? Вы же видели, что там, в "допотопные" времена один господин вытворял омолодившись? У человека вообще запас в организме не ограниченный. Часы там какие-то биологические только вот идут с будильником, я читал где-то, ну и у каждого они по-разному идут. Вот "допотопники" сообразили, как их приостанавливать, без негативных последствий. Испугались, правда, перенаселенности и запретили использовать, но на

нас-то их запреты не распространяются. Так что мы еще вас женим, Бог даст!

– Вот уж это увольте. Хватит мне и одного разу. И вообще я однолюб по натуре. Так что, увы, Сергей, но на моей свадьбе вам вряд ли плясать доведется, даже и не рассчитывайте, – Федор Леонидович погрозил шутливо Сереге пальцем и, сделавшись серьезным, спросил:

– Ну что, приступим к архивным изысканиям? У меня много чего есть интересного. Та же машинка Зингера от и до,-

Академик шагнул к книжной полке и извлек первый фолиант.– Во всех подробностях от самой первой модели, до pedalной. Электрических, правда, нет. Зато эти какие красавицы, вы только взгляните. Вот, Петрович, эти четыре страницы с обеих сторон и разворот с кинематикой подробной. Гони, экземпляра по три. Шьем три папки. Теперь вот еще прибабасы всякие к ней. Иглы, катушки, нитки, шпульки всякие. Давай, давай, шевелитесь – это вам не саблями махать.-

К вечеру вымотались так, что руки и ноги гудели. Зато материал собрали такой, что за каждую из папок, любое европейское государство /века 18-го/ отдало бы весь свой годовой бюджет не задумываясь.

– Убойный материалище,– удовлетворенно погладил толстенную папку Академик.– Теперь не стыдно перед соотечественниками. Велосипед, цемент, резина. Если это осво-

им вместе с машинкой швейной, то двинем Россию по пути технического прогресса со скоростью просто невероятной. А еще радио, телеграф и телефон в перспективе. Облизнутся "эдисоны". Прорывные технологии за сто лет, до того как они появятся,-

Мишка взвесил папку с материалами в руке.— Килограммов пять не меньше. И это только в вашем личном архиве. А если порыться в Публичке?

— В Публичке наросте не больше. Там макулатуры больше чем у меня, вот и вся разница. Собирают все, даже периодические издания ежедневные — газеты т. е. хранят все. Представляете вал бумажный? Три четверти площадей под это отводят. Интересно конечно, что та или иная газета писала об одном и том же, особенно при Советской власти, но информации конструктивной там ноль. А у меня, что ни книга — шедевр. Вот, кстати, недавно приобрел познавательную книжицу, хоть полностью копируй, но у меня их две, поэтому нет нужды. А название какое — "Клады". Автор собрал всю возможную информацию о найденных за последние пятьсот лет сокровищах.

На мелочи не разменивался. Если меньше десяти миллионов американских долларов, то и не писал о таких. И на территории России десятка три случаев описано. С точными картами и даже фотографиями местности. Вам это особенно должно быть интересно.

Сергеа вцепился обеими руками в переплет и присев на

стул, принялся листать страницы.

– Надо же! Вот это да! Ни фиги себе!– бормотал он.– Мишка, тут наше "Рюриковское месторождение" выглядит как-то не солидно на фоне всех этих находок. Ну, Федор Леонидович, да тут лет на пять работы, чтобы все извлечь и доставить. Караваны целые с золотом пропадали, представляешь, Миш? Тот же Тимур хромой – целую Индию ограбил и нагреб у махараджей вагон только одних брюликов, загрузил на верблюдов, отправил в Самарканд под охраной многочисленной и пропал караванишко вместе с людишками. Ни кто, ни чего не смог объяснить Тимурке. Голов нарубил с расстройства несчетно, до истины добираясь. А нашли в конце прошлого века два пастуха "пещеру Али-бабы". Оценено сокровище в нынешних деньгах в 12-ть миллиардов "гривнами". Это, наверное, самая здесь значительная сумма, найденная на суше. Все есть и карта подробная и место указано точное. У меня прямо руки чешутся туда отправиться.

– Ты, Сергей, поверхностно пока листнул. Там есть и более значительные находки. И сумма эта не самая значительная, смею вас уверить. Есть и вовсе находки непонятные и количество поражает. Уж не от предков ли "допотопных" оставшиеся? Например, в Америке найден клад названный "Сокровищами Инков"– золото в слитках. Слитки, правда, не прямоугольные, привычной формы для нас, а блинообразные. Эдакие диски. И сколько бы вы думали кг? Семьсот тонн и оценен клад в кругленькую сумму – 30-ть миллиар-

дов "гринов" все тех же пресловутых. Клад пирата Флинта, кстати, мало чем уступает по стоимости оценочной, но превосходит по ассортименту. Там гребли в сундуки все подряд и золото, и серебро, и камни. Вот взгляните. Карта острова сокровищ. Реальная карта. Атлантика. Глаза, смотрю, загорелись. Ну, с этим успеется. Книгу дарю, на досуге ознакомьтесь. Нам еще в Ленфильм сегодня поспеть необходимо. Григорий ждет. Голос мой услышал по телефону и, похоже, слезу пустил от радости. Вот уж не ожидал от него сентиментальностей.-

В субботу выехали в Федоровку опять в том же составе, но Мишке все же пришлось накануне сделать ходку еще и с грузом. Четыре швейные машинки со столиками рабочими, приобретенные у знакомых и в антикварном магазине, вынудили смотаться. Ну, и сопутствующее барахло. Нина Андреевна ниток только коробку огромную, неподъемную, поставила загрузить.

– Там-то нет таких-то? Чем шить, Мишань? И что это за подарок невесте будет? Со стыда сгореть. Как вон твой джип без керосина! Кому он с баками пустыми нужен?

– Убедила, покупаем,— хозяйка магазинчика, в котором они закупили нитки, откровенно радовалась. Такие покупатели раз в год бывают. А вот Силиверстович разгружая, ворчал, потирая поясницу. – Куда этакую прорву тащите? Взяли десяток катушек и хватит. Тут на пять лет ниток всей мастерской, поди?

– Там большая мастерская, Евлампий Силиверстович. Двадцать девушек.

– А машин-то всего четыре. Или еще подвезете?

– Нет, больше не подвезем. Это все, что удалось достать пока. Сами наладим производство, тогда и ниток понадобится гораздо больше. А пока для начала хватит.

– Ну, вы прямо фанатики, ей Богу,– продолжал ворчать Силиверстович, перетаскивая коробки с машинками и столы.

Ну а когда Мишка разложил на диване и стульях одежду 18-го века для него и Тихоновны, то он и вовсе скис.

– Вот эдакие панталоны носили в те времена? Срамота какая. Чулки, башмаки нелепые, с бантами. Что я баба что ли, в такое наряжаться?

– Вы примерьте сначала, Евлампий Силиверстович. Со стороны конечно странная и непривычная одежда, а оденете, глядишь и понравится,– пошутил Мишка.

– Одевай, старый хрыч, не привередничай. Люди на киностудии взяли попользоваться, а он еще и выпендривается,– Тихоновна разглядывала платье, вертя его перед глазами, и даже ткань понюхала.

– Нафталином несет. Ох, и не люблю я этот запах,– зато когда вырядилась в платье, то даже Силиверстович глаза вытаращил и рот приоткрыл.

– Ну, мать, тебя и не узнать. Как есть графиня из телесериала, веера только в руке не хватает.

– Ну, так, не все ж вам в графьях-то щеголять. Одевай чулочки, "граф", вона мои резинки возьми, чтобы не свалились,— подбоченилась Тихоновна, действительно преобразившаяся до неузнаваемости.

– Тьфу ты, мать честная. Миш, может форму, какую военную бы подобрал? Я даже на солдатскую согласен. Но чтобы не панталоны эти с чулками и пряжками. Мне бы сапоги хоть кирзовые?— взмолился Силиверстович.

– Не было тогда кирзы, Евлампий Силиверстович. В 20-м веке ее придумали. Мы вам там, на месте закажем хоть генеральскую. А пока потерпите денек другой,— принялся уговаривать Мишка.

– Эх, какие муки душевные претерпевать приходится,— стонал Силиверстович, влезая в одежду 18-го века,— как вообще такое носить можно?— однако в сюртуке и чулках с башмаками он сразу стал похож на чиновника средней руки, ну а когда еще и цилиндр, плюнув от отвращения, напялил, то и вовсе на барина стал похож мелкопоместного и ворчливого.

– Хватит уже тебе ворчать, солидно выглядишь. Особенно шляпа хороша,— Тихоновна всплеснула руками.— Вот уж не думала, что одежда так может человека преобразить. Ну, совсем на себя не похож стал.

– Это кем же я там должен прикидываться?— Силиверстович потопал башмаками.— Жмут окаянные, как в кандалах.

– Вы там помещик мелкий, ну а Тихоновна помещица.

Родственники мои. На деда с бабой уже не тянете, так что дядюшка и тетушка. Не возражаете?— спросил Мишка, улыбаясь.

— Не возражаем, племяш, стало быть. Ну а коль фамилии разные у нас, то значит по матери. Либо я ей брат, либо Агафья сестра. Жребий будем бросать, аль как?

— Обязательно, что ни то швырнем, я тебе родство с Ни нулей так просто не отдам. Доставай монету. Орел ежели, то я тетка Мишанина, решка если, то я сестра Нинулина.

— Эй, погодь-ка, мать, ты чего это? А мне-то, что оставила?— Силиверстович замер с пятирублевой монетой на замахе.

— А тебе, ежели на ребро встанет и не упадет! И то я сомневаюсь, что выиграю. Сроду мне в играх-то не везло. Сколь раз лотерейки покупала и хоть бы рубль какой когда,— пресекла возражения Силиверстовича Тихоновна.

— Может быть вообще тогда, если в воздухе зависнет, то я выиграю? Ну, мать, столько лет с тобой прожил и не подозревал, какая ты коварная оказывается. Жучара!!! Вон Михаила эдак-то друзья прозвали, не иначе как есть у вас родство скрытое. Поэтому уступлю без жребиев. Неровен час, в щель попадет, да на ребре удержится. Поедом заешь, поди. потом. Будь сестрой Нинулиной. Да вы и похожи с ней. Щи одинаково варить мастерицы. Я даже не скажу сразу, у которой вкуснее получаются.

— Я вот недельку не стану вообще ничего варить, так ты

сразу поймешь у кого вкуснее,— Тихоновна величественно развернулась и уплыла в сторону плиты.— Как насчет поклевать чего-нибудь, господ помещики?— поинтересовалась она оттуда.

— С превеликим удовольствием, Агафья Тихоновна, за всегда готовы,— Силиверстович подмигнул Мишке.— Ты как племяш?

— Спасибо, тетушка, всенепременно,— Мишка шаркнул ногой и попытался галантно поклониться, но зацепился ногой за половик и чуть не упал, вовремя подхваченный "дядюшкой".

— Ну, ты что это? На ногах не стоишь? От предчувствия свадьбы не иначе,— высказал предположение Силиверстович.— Я, когда Агафью засватал, так тоже неделю на ногах от радости стоять не мог.

— От радости!?— фыркнула возмущенно Тихоновна.— Ты его, Мишань, слушай больше. Бражничал он целую неделю с дружками, холостяцкую свою долю провожал. А на венчание привели... Я как глянула и без чувств упала. Глаза заплыли... Вспоминать срамно!

— Вот и не вспоминай! Ишь манеру взяла! Может, сядешь, мемуары напишешь, как со мной почитай пятьдесят годков маялась?— обиделся Силиверстович.

— Дурень, ты дурень. Меня что насильно выдавали? Чай своей волей шла,— Тихоновна укоризненно взглянула на супруга.

— Представляешь, племяш, я за этой недотрогой два года хвостом ходил. Один раз даже братья ейные бока намяли. Суровые ребята были, но работающие и справедливые. Потом уж, как породнились, так.— "Кому хошь, Евлампий",— говорят. — "Голову за тебя открутим". Жаль, с войны не вернулись.

— Сколь мужиков погибло,— Тихоновна горестно вздохнула и промокнула набежавшие на глаза слезы.— У нас из деревни двести человек ушло, а вернулось пятеро. В каждой избе похоронка, а где и по две, да три. Вот и захирела деревушка-то без мужика. И страна тоже. Будь она неладна такая победа. Потому и Иосиф Виссарионович праздновать ее не хотел. Понимал, что не победа это, а насмешка. Никитка решил народу подсластить и 9-тое Мая сделал выходным, а до него-то и не праздновали. Так как-то сядем, посидим, поплачем. А с утра пахать вместо лошадей. Их-то тоже война сожрала, а которых не успела, тех потом Хрущев под нож велел пустить. Дескать "тракторами" заменим. Дурень, что с него взять,— опять вздохнула Тихоновна.— Нестуляка.

— Кто, кто?— не понял Мишка, присаживаясь к столу.

— Нестуляка? Ну, не на своем месте человек сидит, значит. Пустой,— объяснила значение простонародного слова Тихоновна.

— Да вы, тетушка, прямо психоаналитик. Ну а Брежнев как? Стуляка?

— Этот? Этот гусь лапчатый. Ровно дите какое с бирюль-

ками и погремушками, так он с этими медальками тешился. Спесив, да меры не знающий. Гусь – одним словом, – выдала психоанализ Тихоновна.

– Гусь! А Горбач кто? – улыбнулся Мишка.

– С заплаткой то? Этот хитрован. Навроде лиса. Ну и пу-
стообрех отменный. Говорит, говорит слова, а ничего не ска-
жет ведь толком. Крутится, как пес за хвостом. – Тихоновна
поджала осуждающе губы. – Себе на уме и для себя только
старался. Лис – одним словом.

– Остался последний – царь Борис, как его уже кое-кто
называет в шутку пока, – хмыкнул Мишка.

– Кто? Царь! Со свиным-то рылом? Да он тоже хитрован
навроде Горбача, только из волчьей породы. Такой глотку пе-
рекусит и глазом не моргнет. И своего не упустит. Помянете
еще мое слово. Лапу коль в казну запустит, то пока оттуда
не выгребет все до полушки, не утомонится. Близко таких к
трону подпускать не следует.

– Вот как значит? Вор?

– Хуже, – кивнула утвердительно Тихоновна.

– Куда ж еще хуже-то? – не понял Мишка.

– Разбойник с большой дороги. Бандит. И власть такую
же насадит.

– Ну, так чего же вы за него голосуете тогда?

– Кто голосовал? Я и в глаза не видела эти бюллетени. В
районе, поди, за всех отголосовались и не спросясь. Пади до-
кажи. Очки втерли всему народу. Референдами своимя. Кто

за СССРу? Да, да, нет, нет.

Ну и где СССР? Была б я мужиком, да помоложе...

– И чтобы тогда сделали, тетушка?

– Подожгла бы чего нито. Вон хоть райком где теперь правители местные заседают. Как там их теперь называют запамтовала, задумцы, законцы, засранцы? Вот их бы и подожгла засранцев.

– Так ведь в тюрьму за это могут посадить? Терроризм!

– Ни че, пострадать за народ – святое дело, – Тихоновна вздохнула. – Только вот мужиков-то стоящих всех война прибрала, а новые народились ни рыба, ни мясо. Затюканные выросли. Сами себя "совками" называют. Дураки, мол, мы, – Тихоновна махнула разочарованно рукой.

– Ну не все "затюканные совки" есть и среди нынешних нормальные и стоящие.

– Мало, Мишунь. Я же вижу. Завистливы, да ленивы. Хотят все сразу и без трудов. Землю не любят и не понимают, а власти боятся... Хоть и злословят промеж себя. Что парни, девки вон уже спились, да еще эту новомодну пакость употребляют – наркоту. Нанюхаются, накурятся и детишек с кем попало, уродов, рожают. Что через двадцать лет с народом-то будет? Придурки, да пьяницы все станут? Наркоманы, да гулящие девки? Ох, Мишань, разбередил всю душу ты мне своими вопросами. Сердце болит.

– Ну, извини, Тихоновна. Райком сжечь не обещаю в ближайшее время, но что-нибудь с Серегой обязательно подпа-

лим. Вот только с делами неотложными разберемся,— пообещал серьезным тоном Мишка.

— Да я пошутила, Мишань, шут с ними с засранцами. Нет войны и ладно,— всполошилась Тихоновна.

— Ну вот, то вы говорите, что мужиков стоящих не осталось, то "шут с ними". Непоследовательно как-то!

— Так, а чего ты с бабки безграмотной и темной хочешь? Понятно глупость только и могу сказать,— заоправдывалась Тихоновна, испугавшись, что Мишка примется претворять в жизнь ее программу по борьбе с чиновниками, да еще Сергею подключит.— Ведь посодют вас энти-то, как за людей нормальных отвечать-то придется.

— Ни че, пострадать — святое же дело,— напомнил Мишка.

— Ну, Мишаня, ты все прямо буквально принимаешь на веру. Пошутила я,— совсем расстроилась Тихоновна.— Это что ж из-за меня вы в тюрьму пойдете?

— Пойдем, Тихоновна, и в тюрьму, и в ссылку, и в каторгу за вас. Как скажете, хоть в преисподнюю. Вы не стесняйтесь!— Мишка скорбно вздохнул.— Чего там.

— Ну, все, хватит, Мишань, над старухой потешаться. Жечь никого не надо. Это я погорячилась. Ты вот лучше расскажи, какие планы у тебя с женитьбой. Венчаться будете, аль в ЗАГС поведешь невесту-то?— Тихоновна неумело перевела разговор на другую тему и Мишка, улыбнувшись, решил, что потешаться действительно хватит.

— Какой ЗАГС в 18-м веке, тетушка? Знамо дело под ве-

нец. Ну а потом, когда в курс дела введу Катюшу, тогда и здесь оформим. С паспортом что-нибудь придумаем и распишемся.

– Не боишься тащить девку-то через 200-ти лет сюда?

– Подготовлю потихоньку. Вначале в Федоровку привезу, она особой разницы и не заметит, если телевизор не включать и радио. Ну а потом по обстоятельствам.

Глава 2

Конец августа одна тысяча семьсот девяносто четвертого года выдался в Москве на редкость погожим и теплым. Шли грибные дожди и крестьяне радовались, наблюдая, как наливаются золотом колосья на полях. Готовились к страде взрослые, а ребятишки носились с лукошками по лесам.

К приему гостей Серега с Мишкой подготовились, смоставшись предварительно в Муром и доставив аппаратуру в Москву. В дом специально купленный для этого. Небольшой особнячок, двух этажный и всего лишь из десятка комнаток, он как нельзя кстати подвернулся им перед самым отправлением неделю назад и куплен был у прежних хозяев, вместе с обстановкой и тремя дворовыми крепостными. Им то и была поставлена задача, новыми собственниками по обустройству, содержанию и охране дома.

Дворня – семья из трех человек. Муж – Григорий, которого Мишка сразу по-свойски стал звать Гриней. Жена – Марфа, да сын – мальчонка лет пяти – Павлушка. Жила семья в отведенной им "людской" – конуре метров десяти и радовалась, что осталась при новых хозяевах.

Ну, а когда Серега велел им занять еще две комнаты и мебель оставил, то Марфа, /не веря в такое счастье/, даже всплакнула.

– Да пошто нам столь места?– не понимал Гриня, скребя

пятерней в затылке.— Трем та?

— Сейчас трое, а через год глядишь и четверо. И вообще "дают — бери". Слышал такую поговорку?— взглянул на него вопросительно Серега.

— Слыхал,— Гриня озабоченно оглядел свое семейство.— Эдак по комнатам разбежимся и сразу-то не найдешь друг друга.

— Привыкнете,— отмахнулся от этой проблемы Мишка.— Мы, Гриня, уедем недельки на три, а твоя задача содержать помещения в порядке и охранять дом. Ну, чего там тебя учить. Вернемся не одни. С нами приедут пятеро человек. Две барыни и три барина, чтобы понятно было. Подготовьте комнаты. Список составьте, что нужно из рухляди. Оставим деньги на расходы. Ну, а когда вернемся, оформим на вас "вольные" и служить будете за жалованье, если захотите. Ну а нет, так и Вольному — воля.

— Дак, куда ж мы отсель?— развела руками Марфа.— Че молчишь, Гриш?

— Понятно, че там... Остаемся, Михайла Петрович. Кака воля? От добра добра не ищут.

— Вот и ладно. К зиме готовьтесь потихоньку. Дрова, то се. Печки проверьте. У меня к вам все. Свободны,—

Мишка с Серегой поднялись на второй этаж и прошли в самый его конец через анфиладу комнат. Здесь они отвели одно помещение под аппаратуру, переброшенную из Муромы и нанятый плотник, взрезал в двери новый замок.

– Жаль, дом не сохранится. Снесут и построят здесь небо-скребище. Смотрел я план Москвы конца двадцатого. Театр какой-то будет на этом месте,-

вздыхнул Мишка с сожалением, подходя к окну и раздвигнув шторы.— Вид-то какой! Прямо на Кремль!

– Вот ведь «хорошая мысль, приходит опосля», нужно в следующий раз заранее смотреть, где что там снесут или оставят, как памятник архитектуры. Переезжать что-то не хочется,-

Серега закурил и открыл створки окна. Плотник, заканчивающий работу, принялся проверять, как запирается дверь, с любопытством поглядывая на "господ".

– Ну что, мастер, готово?– Мишка подошел к дверям и подергал их за ручку.— Дубовая дверь-то. Ну, давай, предъ-являй, что ли работу.

– Так ить все как надоть,— засуетился плотник и вставил ключ в замочную скважину.— Не извольте беспокоиться, барин. Не впервой чай,-

Мишка взялся за ключ огромный, с хитрыми завитушками выполненный и повертел его. Щелчки были мягкими и ригель скользил без усилий.

– Побольше замка не нашлось?– Мишка вынул ключ длин-ной сантиметров пятнадцать и весивший грамм сто.— На це-почку если привязать, то за кистень вполне сойдет.

– Нет, барин, этот самый большой и есть. А у нас в кузне всяки есть и для шкатулок куем, и для карет, и для конюшен,

и для ларцов с сундуками...

— И для покойников с гробами... — закончил Мишка рекламный слоган.

— Пошто на гробы-то?— не понял шутки плотник.

— Чтоб не сперли,— подмигнул ему Мишка.

— Грех-то какой,— перекрестился мастер.— Это гдеж тако быват?

— Шучу я. Иди к Грине. Скажи, чтоб рассчитался с тобой, да обедом накормил. Голодный пади тут с утра-то?

— Известно дело, есть маненько.

— Ключи запасные где, умелец?

— Каки запасны?— не понял "умелец".— По што?

— А если потеряем?

— Так и на што тогда такой замок? Ежели ключ неведомо у кого? Новый замок тогда надоть, аль в энтот перебрать штыри.

— Ну а сломается если?— не унимался Мишка.— Или чтобы не бегать друг вот за другом, что б у каждого свой был.

— Так ключарь для того у всякого барина есть, чтоб вязанки эти с ключами-то соблюдать,— опять объяснил Мишке положение дел "умелец".

— Короче, мастер, второй ключ нужен и быстро. А зачем он понадобился не твоего ума дело. Понравился он мне шибко к примеру. Желаю его на шее заместо медальона или талисмана носить. Когда готов будет?

— К вечеру, барин, тогда энтот мне с собой взять надоть.

– Бери и вечером ждем. Сколько там за работу положено добавишь. Гуляй пока.— плотник ушел, недоуменно пожимая плечами, удивляясь барским причудам.

– Блин, Миха, смотрю я на тебя и диву даюсь, как быстро ты в шкуру помещичью влез. Спесь так и прет "гуляй пока".

– Какая спесь? Что ты несешь? Нормально разговариваю,— отмахнулся Мишка от ехидного Серегиного замечания.— За собой последи лучше. Орешь на людей почем зря.— "Морда коровья".

– Так я на кого ору-то? На козлов всяких, а с народом я уважительно разговариваю. А вот ты прямо забурел на глазах.

– Да ладно, забурел! Век такой на дворе. Мямлить начнешь, так живо на шею даже крепостные сядут и поедут. Роль есть роль. Играю, как могу. Отстань. Лучше скажи, как комнату надежнее запереть. Не верю я этим замкам. Заперто, значит, что-то ценное спрятано и дома никого нет, вот что означает замок. В деревнях-то избы вовсе не запирают, потому как воровать нечего.

– А что тут голову ломать, хлопни "Завесу" да и пусть висит. Вон над головой ляпни и хрен танком выдавишь. Проще будет стену сломать рядом с дверью.

– Хорошая идея, как я сам не сообразил, только голой рукой, наверное, нельзя. Прилепится к полотну, и будешь стоять, как памятник,—

Мишка натянул белую перчатку и, вынув "Завесу" при-

шлепнул ее к дверному полотну.— Ну ка,— дернул он за ручку.— Все — намертво. Даже не шевельнуть. И нафига замок тогда вставляли?

— А замок, чтобы думали, будто это он так надежно держит.

— Резонно. Ладно... поехали за родней.

В Федоровке переодевшиеся путешественники, сидели за столом у самовара. Парни взглянули на чаевничающих и не смогли сдержать улыбок. В нарядах 18-го века все выглядели несколько чужаковато и потешно. Особенно Федор Леонидович, нацепивший еще и паричок с буслями.

— Что за ухмылки?— приподнял гневно бровь, Петр Павлович. Ему достался мундир с ботфортами, которые даже были со шпорами и каждому было понятно, что сей отставник от кавалерии, а не от канцелярии.

— Да нет, ничего. Готовы, видим, отправляться? Мы тут с Серегой запор испробовали хороший из "Завесы". Дома-то никого не остается, ну и чтобы любопытные не совались, сейчас наклеим на избенку.

— Так и чего сидеть? Поехали. Федор Леонидович вон уже взопрел под своими накладными косицами. И нас хотел обрядить, да мы не поддались. В этакую-то жару... Как в шапке ушанке, наверное, Федор Леонидович?

— Эх! Молодо-зелено!— вздохнул Академик.— Там ведь все так ходят. Вот и будете как белые вороны.

— Леонидович, вы не поверите, но почти никто не носит.

Чиновники только на службу надевают и снимают их сразу, как только до присутствия добредут. Зимой может и все ходят, а летом что-то рвения особенного ни кто не проявляет. Да и запутано там все. Я недавно видел одного чудака, так он в такой паричище обрядился – до пояса букли висели и треуголка вся в перьях. Индейского вождя вспомнил. Так у того победнее были. А у этого павлиньи торчали. Народ на улице шеи чуть не посворачивал, оглядываясь. Вот уж "белая ворона", так ворона. А это... – Мишка махнул рукой на прически Силиверстовича и Петра Павловича ... – обычное дело. Провинциалы, что с них взять? Москвичи привыкли, что город, как двор проходной. Кого только нет. И удивить их уже давно не просто.

– Так может и мне тогда снять, Петрович? Вопредел действительно, круги уже перед глазами.

– Да снимайте вы этот камуфляж ленфильмовский,-

Мишка сочувственно взглянул на Академика. – А сюртучки-то тоже не по моде, молью побиты опять же, – пригляделся он к одежде реквизитной. – Даже заплаты смотрю есть. Реквизит он и есть реквизит. Перескочим и первым делом к Лили. Вот уж кто будет рада. Сразу три заказа. Ну а женщин Катюша обошьет. Тоже рада будет.

Переместились на второй этаж особняка, в самую большую комнату "залу". Женщины принялись осматривать помещения, а мужчины уселись за столик для курения.

– Кофе нам тут подадут? – поинтересовался Петр Павло-

вич, оглядывая "залу".

– Подадут, – Мишка позвонил в колокольчик и на его звон примчался Павлушка.

– Здравствуйте, барин, че изволите?

– Ты вот, что Павлуш, Не зови меня барином, хорошо?

– А как звать? – растерялся мальчонка.

– Ну-у-у... – Мишка задумался.

– Зови его, сынок, дядькой Мишкой, – подсказал Петр Павлович.

– Не-е-е... Так-то нельзя, тятка заругат и уши оборвет, – запереминался с ноги на ногу Павлушка.

– Михаилом Петровичем зови, – пришел всем на помощь Академик. – Раз не барин и не дядька. Можешь еще сударем величать, тоже приемлемо.

– Слушаюсь, ба...сударь, Михайла Петрович, чего изволите? – сориентировался моментально Павлушка.

– Позови папаню своего сюда, знакомиться с гостями, ну и маманю. Хотя...-

Мишка прислушался к доносящимся снизу голосам. – Маманю, похоже, уже и не нужно. Без нас уже познакомились.

Павлушка умчался, шлепая босыми ногами по паркету и через минуту явился Гриня, изумленно остановившийся на пороге. В одной руке он держал здоровенный колун, а другой утирал пот со лба. Из дровяного сарая очевидно сынуля его выдернул.

– Чего это ты, Гринь, с топором? Никак повышенного

жалования хочешь потребовать? Так мы не жадные целый рубль платить согласны в месяц тебе и столько же Марфуше, а вольные оформим на этой же неделе,-

засмеялся Мишка, а Гриня взглянув на колун, засмутился и начал искать глазами место куда бы его поставить, чтобы не дай Бог чего не сломать или не поцарапать.

– Да сунь ты его уже куда-нибудь, тяжелый ведь,- посочувствовал ему Мишка и, взяв колун из рук, совсем растерявшегося Грини, положил его прямо на полированную столешницу.

– Вот, знакомься. Вся моя родня здесь,-

Мишка принялся представлять присутствующих.— Называть исключительно по имени отчеству, потому как ты человек уже можно сказать вольный, и господ над тобой нынче нет.

– Слушаюсь, Михайло Петрович,— поклонился Гриня.

– И без поклонов вот этих, Гринь, и без слушаюсь. Просто кивни или скажи "да, понял". Понял?

– Понял, Михайло Петрович,— кивнул Гриня.

– Как там насчет чайку гостям с дорожки или кофейку? Сообразить можно?

– Уже несем,— Гриня схватил колун, опрокидывая столик вместе с пепельницами и табакерками.

– Простите покорно, виноват... — обмер он, сжимая топориче и бледнея.

– Да хрен с ним со столом, Гринь. Не бери в голову. Ждем

кофе,— Гриня облегченно перекрестился, взглянул признательно на Мишку и умчался со скоростью Павлушкиной, только не шлепая босыми пятками по паркету. На ногах у Грини были обуты свежесплетенные лапти. Вот ими и зашуршал.

— Стол-то, однако, крепкий какой,— Петр Павлович поставил столик на ножки и принялся собирать курительные принадлежности.— Рай тут для Сереги и Силиверстовича. Травись — не хочу. Мне что ли трубку приучиться курить?

— Я тебе приучусь.— В "залу" влетела Нина Андреевна с Тихоновной и Марфой.— Кухня здесь, просто мечта любой хозяйки. Газплиты, правда, нет и все на дровах, но зато какая посуда. Ах! Мы с Марфушей по дому пробежимся, а вы тут без нас, чтобы никуда, ни шагу. Кофе уже несут с шаньгами. Пошли, Марфуша, покажешь, что здесь и как.

— Это им на пару часов, как минимум. Ведь и на чердак полезут наверняка и в подвалы,— проводил женщин взглядом Петр Павлович.

— Ну, вы тут располагайтесь, а я поехал в швейную, обрадую Катюшу. Вот уж переполоху-то будет!— засмеялся Мишка.— А вы часика через два подгребайте тоже. Серега дорогу знает. Я за вами карету пришлю,— Мишка поднялся и вышел.

Карета подъехала ровно через два часа. Кучер приветливо распахнул дверцу и поклонился в пояс.

— Пожалте, господа, за все уплочено. Велено доставить, с нашим почтением.

А в швейном доме переполох стоял – это еще мягко сказано. Визг заполошный. Девицы мели и терли где только можно, ну а Екатерина сидела бледная на диванчике и шевелила губами, зачитывая все молитвы, какие знала.

– Ну, что ты, Катюш, у меня мировые родители. Не робей. Вон уж подъехали, – Екатерина охнула и перекрестилась.

– Ну, вот! – Мишка вышел встречать гостей и быстренько представил их своей обомлевшей и чудом еще не упавшей в обморок невесте.

– Да ты, Мишань, запугал нами-то девушку видать, – расстроилась Нина Андреевна. – Ну-ка дай-ка я тебя обниму, – и прижала к себе Катюшу, а та потекла слезами, промокая их кружевным платочком.

– Простите меня, пожалуйста, – пролепетала она, уткнувшись носом в плечо Нины Андреевны.

– Да за что же, милая? Ну, вытри глазки, улыбнись и пошли с коллективом знакомиться.

– С кем знакомиться? – не поняла Катюша.

– С подружками твоими. Вон они носы-то любопытные высунули. –

Две следующие недели стали самыми суматошными в жизни Мишки. Он и представить себе не мог, сколько хлопот с этой свадьбой. А еще впереди предстоял разговор с Катюшей о том, кто он и откуда. Мишка ломал голову, с чего его начать и ничего толкового придумать не мог, кроме как взять, да и огорошить.

– Ну, вот как?– Мишка сидел за столом в трапезной и пил чай с плюшками. Очередная дежурная по кухне – Настена оказалась мастерица именно по ним, подтверждая утверждение Катюши, что у нее все девушки "пироги-то печь горазды".

– Что как?– Серега, сидящий напротив, лениво потянулся.– Тебе не кажется, что Верка с Леркой застоялись на конюшне? Может, смотаемся по-тихому, как в прошлый раз, куда-нибудь. Вот хоть за кладом этим индейским?

– Тебе что денег не хватает? Он там клад этот еще двести лет пролежит пока его найдут. И где эти 700-т тонн хранить? Бункер сначала построить нужно.

– Ну, ты, Миха, даешь! Да есть у нас такой бункер уже – пирамида. Места там, на сто таких кладов хватит даже на тысячу, только в одном конференц-зале. А оттуда брали бы по необходимости, сколько надо. Сейчас такие расходы пойдут, что только успевай отстегивать. Вон Тихон вчера доклады-вал, стройка развернулась прямо ударная. Когда строители узнали, что за каждый день досрочной сдачи премия в размере дневного заработка, так теперь по 25-ть часов в сутки пашут. На час раньше встают.

– Ну и нафига такая гонка? Мы что на пожар торопимся?– не понял Мишка строительного ажиотажа.

– Ну, в общем-то не важно, конечно, месяцем раньше или позже, просто взглянуть захотелось, как стимулирование работает,– Серега засмеялся.– Чудеса просто изворот-

ливости проявляют. Людей-то набирать дополнительных не хотят, так столько рацпредложений уже внедрили, что просто даже мастера и Подрядчик диву даются. Какие-то блоки для подъема тяжестей придумали, тачки самоопрокидывающиеся, чтобы время не терять.

– Серега, давай сначала со свадьбой разберемся, а потом уже клады и все остальное. Я тут голову ломаю, как Катю-не объяснить про временные перемещения, так чтобы у нее крыша не поехала.

– Давай я ей разжую, что да как, – небрежно махнул рукой Серега.

– И как?

– Скажем, что у нас страна такая продвинутая технически, а то, что это та же самая во времени, пока умолчим. Они ведь думают вообще, что Земля на китах плавает и что она блин. Вот и не будем пока ломать привычные стереотипы. А то, что моментально перемещаемся, так на это сказки есть русские народные про ковер-самолет, например. Сознание выдержит. Конечно, сразу нельзя тащить в джип и гнать по шоссе со скоростью 160 км в час. Тогда точно получишь куклу с квадратными глазами. Рот откроет и закрыть сама уже не сможет. Полегоньку. Сначала вон машинку швейную пусть освоит. Потом велосипед, какой-нибудь. Потом телевизор покажем, ну и за год полегоньку привыкнет не удивляться. Она, кстати, про потоп и прочие библейские события лучше нашего с тобой в курсах. Им тут с детства про это

бабушки рассказывают. А она еще и грамотная. В школе бы отличницей была. Вон как производством рулит. Бизнесвумен.

– Может ты и прав. Нужно с родней еще посоветоваться. Но ты не лезь к ней со своими рассказами. Я уж как-нибудь сам. С мамулей они вроде поладили. Может на нее это бремя свалить? У нее жизненный опыт. Введет в курс дела. Вон на машинке строчить за пару дней натаסקала. Девуцы сначала боялись подходить. А теперь смотрю, очередь установили. Слышишь?

– Ну да, как из пулемета поливают. Так она простая и легкая в эксплуатации, поэтому и весь мир завоевала, за время буквально мизерное. Вот освоим выпуск своих, в следующем году и тогда посмотрим, как тут все завертится.

– Из-за одной машинки не завертится.

– А мы не только машинки выпускать начнем. Сначала машинки, а потом какие-нибудь керогазы, лампы керосиновые. Их пока тоже нет. При свечах живут и лучинах. Как в каменном веке. Многие даже дома отапливают по-черному.

– Прожектор ты, Серега. Короче, после венчания месяц медовый отдыхаю, а потом хоть куда готов. А вот и мамуля. Ну, что там, маменька?– Нина Андреевна присела устало на лавку:

– Плесни-ка чайку. Устала что-то я с этими хлопотами. У нас там все не в пример проще. Заказал банкет, оплатил и все. А тут все самим нужно. Стряпух найми, продукты заку-

пи. Да еще эти наряды свадебные. В общем, очень тебя прошу, Мишань, никогда больше не женись.

– Хорошо. Обещаю. Вот этот раз будет первый и последний, маменька.

– А что? Мне нравится, когда "маменькой" называешь, что-то есть в этом слове такое забытое в нашем веке. Ласковость какая-то. Отец-то с приятелями, куда умотал с утра? Ничего не сказал, сорвались все трое и понеслись.

– Они людей выкупают. Сто первых семейств, ну и размещать поехали. Пока купили дом под общагу и перестраивать затеялись. Коммуна такая. Там Подрядчик сегодня заявиться должен. Архитектор опять же. Землю прикупили под это дело. Будем юнкеров и кадетов выращивать народных. С сентября хотят уже первых три группы начать обучать. Рабочие, грамотные опять же нужны. Покупаем-то людей всяких и грамотеев там 1-н процент. Здоровенные обломы, а считать не умеют до десяти. Ну и папенька наш, как бы директор этого училища.

– Мы что тут насовсем что ли поселились?– взглянула на Мишку озадаченно Нина Андреевна.

– Нет, в любое время можем вернуться назад. По необходимости будем наведываться, пока на самообеспечение не поставим. Свои пока учителя и мастера не появятся. Лет десять, пятнадцать придется мотаться и в двух временных потоках жить. И там и здесь по 15-ть лет пройдет, а мы по 30-ть проживем. Хорошо, что пилюлины эти есть, иначе бы скис-

ли в момент.

– Да уж, хлопотное это дело. А вам-то здесь, зачем торчать непрерывно? Бери Катюшку и поезжайте, отдохните куда-нибудь на море.

– Ма-а-а, как все просто у тебя! Ей еще все объяснить как-то нужно, все эти перелеты временные.

– Да я уж ей половину почти объяснила.

– Какую половину? Что за половина?– Мишка даже рот приоткрыл от неожиданной новости.

– Ну-у-у, сказала ей, что у нас – ДОМА – немножко уже все не так, как у них здесь. Что таких вот машинок всяких разных понапридумывали люди. Что ездят на них вместо лошадей и землю ими пашут и даже летают на машинах.

– И что?

– Да закрой ты рот, сынуль, муха залетит еще ненароком,– Нина Андреевна пожала плечами.– Удивилась, конечно, и спросила можно ли ей съездить к нам. Я обещала.

– Вот так просто?

– А что тут такого?

– А как "ехать" к нам, ты ей не рассказала?

– Вкратце попробовала.

– И как это?

– Сказала, что на машине и поедет. И что сюда тоже на ней прибыли. Только любопытство чтобы не разжигать глупое, не показываем ее ни кому.

– И что? Не удивилась?

– Нет. Только она пока думает, что все эти машины на машинку швейную похожи. И что крутить педали там везде нужно.

– Для начала и довольно,— заулыбался облегченно Мишка.— Вы тут с Серегой пообщайтесь, а я пойду, гляну, как там девчата машину осваивают,— вскочил он с лавки.

– Иди, иди, жених, блин. Вот так и бросают друзей. Вот женюсь тоже, тогда поймешь,— Серега хмыкнул.

– На ком это? На Лили?

– Нет, Миш. Лили, конечно, бойкая, но больно уж расчетлива. Пока тут год нас не было у нее, таких как я кавалеров, десяток перебивало. Я что-нибудь поближе присмотрю. Девчонок, вон сколько. Ярмарка невест. А готовят как! Да я только за борщи одни на Аниуте готов жениться, а за пельменишки на Полине. Про ватрушки вообще молчу и пироги Марфушины.

Желудком, значит. выбираешь?

– Почему желудком? И желудком тоже. У меня весь организм в процессе выбора невесты принимает участие,— засмеялся Серега, а Нина Андреевна покачала осуждающе головой:

– Ты, Серега, непутевый какой-то и расчетливый одновременно. Нельзя так-то вот. Песню Утесова слышал?— "Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь". Вот и жди, пока нагрянет.

– А если не нагрянет? Тогда как?

– Нагрянет. Так что расчеты все свои отбрось. Браки совершаются сначала на небесах. Так, кажется, раньше-то говаривали. Бог даст, вон как Мишуне. Нагрянула, и побежал с машинкой Зингеровской подмышкой за 200 лет. Хотела сказать за тридевять земель, как в сказке,-

Нина Андреевна повернулась к замершему на пороге сыну.— А ты не слушай, пошел так и иди. У нас тут взрослые разговоры. Катюша, поди, соскучилась уже за час-то разлуки?

Верно сказано.— "Счастливые часов не наблюдают". Свадьба с ее хлопотами и весельем, а также медовый месяц, который молодые провели в Останкинской деревушке, пролетели как один день.

Идею с деревушкой подал, как это ни странно Серега. Так прямо и сказал на другой день после венчания:

– Я бы, Миха, на вашем месте, куда-нибудь в деревню свалил. Подальше от смрада Московского. В 20-ый рановато для Екатерины, а в этом времени природа стоит не загаженная и воздух какой.

– А как же мастерская?

– Да уж месячишко-то как-нибудь и без Екатерины не разорится. Девчонки сознательные. Вон как пашут. Да и Нина Андреевна здесь присмотрит. У Тихона там домик есть. Вполне приличный. Езжайте.

– Катюш, ты как?– Мишка уже второй день как женатый, все еще не мог привыкнуть к своему новому статусу и не

выпускал руку Екатерины из своей.

– Как скажешь, Мишунь. А что значит в 20-ый? Это где?– мимо её ушей не пролетели нечаянно оброненные слова.

– Это далеко. Потом расскажу. Ма, па, мы в Останкино,– Мишка вскочил навстречу входящим родителям. Было раннее утро и все собирались в столовой у самовара.

– Доброе утро, маменька,– обрадовалась Катюша.– И вас с добрым утром, батюшка.

Петр Павлович, только что о чем-то споривший с супругой, весь расцвел:

– Учись, Михаил, как к родителям-то надо обращаться.– "Па, ма". Сразу видно воспитанного человека. А ты у нас, какой-то... Эх! В кого такой?

– В вас, папенька,– просюсюкал Мишка, вызывая у присутствующих улыбки.– А где дядюшка с тетушкой и дедушкой?

– Тихоновна с Марфушей хлопочет на кухне, Силиверстович умотал на рынок, а Леонидович сейчас будет. В библиотеке сидит. Он тут возами скупает все, что можно из книг. Даже объявления развесил по городу. И ведь несут, дворовых присылают. Леонидович руками машет от радости над каждой книжкой. Вот уж точно "охота – пуще неволи".

– Кто здесь в мой огород каменья швыряет?– Леонидович влетел, запыхавшись.– Прошу покорнейше простить за опоздание к столу, но тут, я смотрю, кое-кого и вовсе нет. Так что там, по поводу книг, не так?

– Все так, Федор Леонидович, голубчик, но только уж вы, кажется, чрезмерно много времени уделяете им. Забываете завтракать и обедать вовремя. Ну, куда от вас ваши книги денутся?– Нина Андреевна налила Академику чай и поставила перед ним чашку.

– Виноват, Нинуля, исправлюсь. Курсантов в кадетскую школу наберем тогда и отдохну. А пока я ведь не только в книгах копаюсь, но и программу составляю. Чему учить оболтусов великовозрастных. Из двух десятков ни одного грамотного. Пора уже начинать, Петр Павлович, что там у вас?

– У меня все "хоккей" с понедельника начнем прямо здесь. Парты сегодня привезут. Три десятка заказал. Еле смог втолковать мастерам чего от них требуется. Рисовать пришлось. А они еще и сантиметров не понимают, все аршинами меряют. Умучался. Зато с понедельника следующего приступаем. Вон Михаил в деревню собрался, значит, комнатенка еще одна освободится. Спальню там для учеников обустроим. За досками опять нужно ехать. Каменный век, вручную пилят их. Дорогие поэтому. Может, пилораму построим свою?

– Ты, папенька, совсем забыл, что электричества здесь пока тоже нет.

– Ну, значит бензопилораму.

– Бензина тоже нет пока. Керосин только в аптеках продается.

– Значит свой нужно везти.

– Ну и что тогда дешевле будет?

– Наша доска будет ровнее и дешевле.

– А не проще для учеников кровати привезти солдатские?

У тебя же связи, Петр Павлович. Сколько их сейчас списывают в металлолом. «Царь Бориска» армию сокращает похлеще Хруща, – вмешался с конструктивным предложением Академик. – Смотайтесь с Сергеем. Михаила уж не будем трогать в ближайший месяц.

– Да уж, пусть отдохнет месячишко на лоне природы. Тихон места родные расхваливает так, что и не верится, что там, когда-нибудь все асфальтом закатают. – "Грибов, ягод – видимо не видимо".

– Ну да – это здесь видимо, а у нас невидимо, – рассмеялся Серега.

Глава 3

А грибов оказалось на самом деле в этом году много и Мишка, никогда не собиравший их в своем времени, с удовольствием мотался с Катюшей по Останкинским лесам. Даже научился отличать съедобные от поганок.

Уходили обычно с утра и на весь день, а возвращались с полными лукошками и счастливыми лицами. Осень была поздняя, вернее бабье лето затянулось до середины октября и дни стояли солнечные. За весь месяц, проведенный в деревне, они только дважды попадали под дожди. По-летнему теплые и даже с громом, молнией и радугой после них.

Один пересидели под вековой сосной, а вот второй сегодня, застал в чистом поле, и пришлось бежать к опушке, чтобы спрятаться под кронами деревьев. Пока бежали, дождь перестал, но промочил их до нитки. Ливанул, как из ведра. Будто кто-то, там, на небе, решил поозоровать и выплеснул на влюбленную парочку пару здоровенных ушатов.

Пришлось сушиться у костра. Заодно и перекусили, взятой с собой едой. Мишка попытался печь грибы, нанизав их на ветки, но они шипели, обгорали и падали в огонь.

– Ну, что это за баловство, Мишань?– Катюша укоризненно покачала головой.– Есть же с собой нормальная снедь,– Мишка, выковыривая очередной подпаленный боровик, проворчал:

– Ну, вот, а я читал, что так вот можно в лесу на одних грибах прожить,— выкатил веткой почерневший гриб и куснул от него, где почище. Тут же и выплюнул, насмешив Катюшу.

– Да где ж ты такое мог читать? Сыроеги, пожалуй, еще можно есть, они потому так и названы, а остальное без котелка, морока одна. А без соли и вовсе помой.

– В Москву завтра едем. Жаль. Хорошо здесь,— Мишка натянул высохшую рубашку.

– Понравилось? А ведь здесь люди работают и не замечают красот-то за трудами,— вздохнула Катюша.— Доля крестьянская. Говорят, что в сию пору день — год кормит. Это мы с тобой бездельники, даже стыдно перед людьми. Они вон здороваются, шапки ломают, а по глазам вижу, что осуждают. Как же — страда, а мы тут шлеемся ровно ребятишки по лесам.

– Так, мы же белая кость, нам положено праздный образ жизни вести и потом мы ведь за все платим. За еду, ну и все такое,— не понял Мишка.— Дачники мы, вот.

– Слово-то, какое интересное. Вроде данники. Всем деньгу даем.

– Ну, да... Тихо, Катюнь, идет кто-то,— Мишка поправил перевязь сабли, с которой не расставался никогда, используя ее в лесу вместо топора.

Костерок они развели на маленькой полянке, а рядом с ней вилась лесная тропинка, хорошо протоптанная местны-

ми крестьянами.

– Вона дым никак?– услышали они голос с хрипотцой.– Гляньте-ка, Игнат и Ноздря, кого там Бог послал?– Катюша лихорадочно натягивала не высохший как следует сарафан, когда на поляну вывалились два мужика вида самого обыкновенного по этим временам. В онучах и лаптях, но с дубинами на плечах и в драных кафтанишках.

У одного и вовсе кафтан одет был на голое тело и болтался расхристано без пуговиц и кушака. Второй был одет по приличнее, рваньё у него было аккуратно подвязано веревкой и под ним имелась рубаха серого цвета. Оба бородатые и потому похожие лицами, они радостно загудели в два голоса:

– Вот те на,.. не было полушки, да вдруг алтын. Эй!!! Кудеяр, Касьян, тут добыча сладкая!– из-за их спин вынырнули еще две заросшие бородами рожи и, встав рядом, принялись рассматривать Мишку с Катюшей, с любопытством и крестьянской обстоятельностью.

Вновь прибывшие, ничем особенным от двух первых не отличались, ни прическами, ни одеждой. Один и вовсе был босой, лапти висели на дубине переброшенной через плечо. А вот второй – видимо Кудеяр, тот был в ботфортах – смотрелись они на нем, правда, как на корове седло, нелепо облекая домотканые порты.

"Видать снял с кого-то",– подумал Мишка, заслоня собой Катюшу и обнажая саблю.

– Ха-ха-ха-ха!– засмеялся залиvisto обладатель бот-

форт.— Заступник, — ха-ха-ха. У меня ить пистоль, паря,— мужик вытащил из-за пояса здоровенный мушкет и наставил его на Мишку.— Обоих прострелю. Саблю брось, сымай порты с рубахой, да и беги отсель. Отпускаем, добрые мы нынче. Девка потом догонит. Слово даю атаманово. Вот те крест,— Кудеяр переложил мушкет в левую руку и размашисто перекрестился.

Мишка даже рот раскрыл от удивления.— «Вот уж просто-та нравов, впору расцеловаться по-христиански».

— Ты еще царицу небесную помяни, орясина,— посоветовал он Кудеяру, внимательно следя за стволом мушкета.— Не промахнись, смотри. Я тогда нарублю тебя ломтями, как брынзу татарскую.

— Ишь, орел,— не обиделся ни сколько Кудеяр.— Добром значит не хошь? Да я тебя и без пистоля щас самого на ломти порублю. На-ка, Каська, поддержи железяку,— Кудеяр сунул мушкет в руку безлапотному и выхватил из ножен саблю, тоже видать трофейную.— Заодно и опробую барскую сталь,— Кудеяр завертел ее перед собой, демонстрируя умение. Видать довелось в свое время и послужить, и повоевать.

— Молодец,— похвалил его Мишка.— Мне так сроду не научиться. Видать учителя были хорошие?

— Ха-ха-ха-ха. Нравишься ты мне, паря, даже убивать не хочется, ей Богу.— Кудеяр опять переложил, теперь уже саблю в левую руку и опять размашисто перекрестился.

— Да что ж, ты Ирод, Бога-то поминашь через слово, уста-

ми своими грязными? Еще и крестом обмахиваешься, ровно у царских врат окаянный!— вдруг заорала на Кудеяра Катюша, выскочив из-за Мишкиной спины.— Глянь, какой православный живорез выискался. Что бельма вытаращил? Аль не признал? Сестра я твоя во Христе. Забыл, Ирод, что в писании написано? «Где двое во имя мое соберутся, там и я промеж них»,— Катюша перекрестилась и поклонилась Кудеяру.

— Здрав будь, брат во Христе. Это супруг мой Михаил, тоже православный. Поклонись, Мишань, Господу,— Мишка послушно перекрестился.— Вот уже и трое нас тут во имя Христово. Образумь, Господи, грешников, наставь на путь и пошли здравомыслие,— Катюша снова перекрестилась и рывкнула на четверых бородачей:

— Что стоите окаянные? Господь промеж нас, кайтесь,— и с последним ее словом, где-то совсем рядом грянул гром, так неожиданно и своевременно, что вся четверка вместе с атаманом тут же рухнула на колени, истово крестясь и бормоча каждый свою молитву.

— Прости, сестрица,— дрожащим голосом прохрипел Кудеяр.— Лихая жизнь затянула, нужда, да побои. Не от хорошей жизни разбойничаем. Прости, братец. Отпусти, сестра-матушка, грехи. Господи, помилуй!

— Ох, братец, да за кого ты меня принимаешь? Поп я тебе что ли, грехи-то отпускать? Иди в храм, там и покайся перед батюшкой. Забыл дорогу, пади, туда?

— Благодарствуем, сестрица, от смертоубийства берегла,—

Кудеяр встал с коленей.— Пошли робяты,— и шмыгнул носом, как нашкодивший мальчишка. Мишке стало смешно. Четверых здоровенных мужиков с дубинами и мушкетом усмирила его Катюша и чем? Словом! Мишка швырнул саблю в ножны и крикнул в спину Кудеяру:

— Эй, братан, погодь. У меня к тебе предложение деловое есть,— Кудеяр остановился и медленно повернулся к нему.

— Саблей ты знатно машешь, сразу видно мастер. Учитель фехтования мне нужен, не желаешь ли послужить? Мальчишек будешь обучать.

— Где это?— спросил равнодушно Кудеяр.

— В Москве. Я завтра туда отправляюсь.

— Мне в Москву дороги нет. В бегах я нынче. Вон видишь — Ноздря, красавец какой? Вот и мне тако же будет, коль поймают,— Кудеяр махнул рукой.— Ты, сестрица, в храм нас послала, дак ведь только до него и дойдем, как тут и повяжут охотнички. До батюшки и не дойдем. Прощевайте. Пойдем нехристей грабить.

— Подожди,— Мишка шагнул к Кудеяру.— Я ведь мог тебя сегодня и зарубить сгоряча-то, так что и на мне бы грех повис, поэтому приходите все четверо в Останкино. Спросите там Михаила. В домике Тихоновском я остановился. А ежели кто с охотничанием полезет, то скажете, что званы и с собой ведите. Я разберусь. После обедни приходите,-

Мишка протянул руку Кудеяру и тот, схватив ее своей лапшей, с силой сжал.

— Здоров ты, я смотрю, паря, мое пожатие мало кто выдерживает, все скачут козлами,— удивился он, а Мишка подумал.— "Хорошо, что "Завесу" успел нашлепнуть, прыгал бы точно или перелом бы получил".

— Говоришь, что убил бы меня? А я думаю, что ты со своей сабелькой на пятом замахе лег бы сестрице, под ноги. Ее благодари и Господа,— Кудеяр перекрестился. Рядом обмахнулся крестом Касьян.

— На пятом замахе бы слег?— Мишка взялся за ствол мушкета, который Касьян все еще держал в левой руке, и без всякого усилия вывернув его, сказал:

— Смотри,— мушкет, легонько подброшенный, вертанулся в воздухе и тут же свистнувшая Мишкина сабля рассекла его надвое.— Ну и на каком замахе я бы лег под ноги, сестрицы?— разбойники ошеломленно уставились на перерубленный мушкет. Кудеяр нагнулся и поднял обе половины.

— В полную негодность привел,— растерянно пробормотал он, рассматривая срез.— Эт что ж за сталь така?

— Молекулярная заточка,— пояснил Мишка.

— Мокулярна?— не слыхал такой-то.— Эт что ж выходит, что ты, сестрица, нам жизнь только что спасла?— Кудеяр поклонился Катюше.— Как звать-то тебя, сестра?

— Екатериной зови, братец разбойничек. Да от предложения супруга моего не отказывайся. Господь тебе с товарищами случай счастливый посылает. Иди. С Богом,— ответила Катюша.

– Придем, как же теперь-то и не прийти, коль велишь,— поклонились все четверо и ринулись с поляны, испуганно оглядываясь.

– Придут, думаешь?— Мишка обнял Катюшу и прижал к себе.— Ты больше так не делай никогда. Я сам разберусь с кем угодно.

– Испугалась я, Мишань, за тебя. Вон он как саблей-то машет, аж в глазах рябит. Придут, конечно. Крадучись, но придут. Тут о вашей стройке ведь вся округа бает. И они, пади, слышали, да пока в толк не взяли. Спасибо, Господи,— вдруг поклонилась Катюша.— Не допустил пролиться крови христианской,— и где-то опять громыхнул гром, уже почти на пределе слышимости, видимо туча уползла совсем далеко. Мишка, перекрестившись, подумал.— "И ни каких "Завес, Осп и Перфов", а вслух сказал:

– Вот уж воистину, где двое соберутся, там и Господь посреди них,— и не смог скрыть легкого сарказма. Ирония, едва заметно обозначенная им, однако не укрылась от Катюши и она, резко отстранившись от Мишки, спросила:

– Ты никак, Мишань, посмеиваешься надо мной? Да и над Господом тоже?— укоризна в ее взгляде была такой глубины, что Мишка покраснел и принялся извиняться.

– Нет, Мишань, ты ведь что имел в виду, когда усмехнулся. Что не было Господа, а гром случайно гремел? Так ведь, скажи? Подумал?

– Да, Катюш, подумал. Прости,— Мишка обнял Катюшу,

но она отстранилась и продолжила обличительно:

– Ты, думаешь, я не вижу, что веры-то нет у тебя во Христа или если есть, то совсем никакая. Ты и в храм, Мишань, ходишь только по тому, что я иду, и правила не читаешь, и всяко дело без молитвы творишь. Я ведь не слепая. На саблю у тебя больше надежд, чем на Бога. Вон она какая у тебя острая. Пистоль как былинку рассек. Да еще вот все в ладошки хлопаешь и какую-то вещицу лепишь, а потом весь как каменный становишься, холодный. Я ведь вижу.

– Катюш, да что же теперь делать-то? Такой вот я дурак, но я исправлюсь еще таких вот пару "чудес" и уверую окончательно.

– Опять шутишь, Мишань? Зачем же ждать случаев таких-то? Господь промеж нас стоит и никуда не делся. Вот сейчас и получишь доказательство,— Катюша перекрестилась и зачитала Господню молитву,— затем снова перекрестилась и, выдернув саблю из ножен, что-то быстро прошептав, без усилий сломала ее пополам, как хворостинку.— Вот тебе еще одно "чудо", кинула она саблю под ноги Мишке, а тот изумленно уставился на обломки и произнес перекрестившись:

– Прости, Господи, глупца,— потом шагнул к Катюше и прошептал:

– И ты прости, Катенька,— Катюша всхлипнула:

– Не шути больше никогда так.

– Катюш, ты еще Серегину вот так же можешь сломать?

Чтобы спеси в нем поубавить. Гордыни то есть?

— Мишань, да ведь не я ломаю. Господь вразумляет. Все в Его власти,— Катюша нагнулась и подняла обломки сабли.— Я не делала ничего, просто молитву Господу зачла и попросила железо сие рассечь,— Катюша опять зачитала Господню молитву и соединила обломки. Металл сросся и Катюша протянула Мишке его оружие. А тот даже сделал шаг назад и, оглянувшись, осторожно взял саблю:

— Господи, сколько попросил, столько и увидел,— Мишка перекрестился и попробовал сломать сталь сам. Сабля выдержала, а то место где она была переломлена, девственно поблескивало, и Мишка снова перекрестился.

— Ну, ты, Мишань, что-то смотрю, в другую крайность ударился. Господу твои махания руками ни к чему. Он в сердце смотрит. Что у тебя там? Испуг, Изумление? Вера должна быть и Любовь. Ну а коль их нет, то Надежда должна быть. А уж если и ее нет, то, значит, мертв человек.

— А как же жить-то, когда вот так Господь рядом?— Мишка засмушался, а Катюша расхохоталась.

— Ты как мальчонка пятилетний, Мишань, Господа застеснялся. Да Он всевидец и приходит всегда, когда ты позовешь и допреж зова даже, но не лезет навязчиво. Твоя Воля должна быть, а потом только Его на Тебе.

— Так Его нет сейчас рядом?— Мишка оглянулся.— А как же Он слышит молитвы и просьбы?

— Мишань, что ты озираешься. Бог есть Дух. Его увидеть

нельзя, если Он, Сам этого не захочет. А если просишь Его о чем то, а Он не дает, значит, или не на пользу тебе сие или сам можешь это сделать, постаравшись. Просить нужно только то, что сам сделать не можешь, вот как я... — Катюша вздохнула:

— Только не проси ничего своей волей, только с Его Воли проси. Говорить нужно: — "Да будет, если на то Воля Твоя".

Кудеяр с "бригадой" появился, как было сказано и стояли разбойнички у ворот Тихонова дома, не смея постучать, а вокруг них собрался любопытный народ деревенский, недоуменно переговариваясь.

Наконец какой-то старичок не выдержал и спросил Кудеяра, подергав его за рукав кафтана:

— Чей то здесь? Аль на Большой дороге скучно стало?

— Уйди, дедок, Христом Богом прошу. Екатерина велела прийти. Вот и пришли к Михаилу.

— Катерина? Ну, тады стойте, скоро будут оне,— обрадовался старичок.— А вона уже и идут из церкви,— подслеповато шурясь приложил он руку козырьком ко лбу.— Оне самыя.

Мишка с Катюшей подошли к воротам дома и поздоровались со всеми сразу, поклонившись:

— Здрaвы будьте, люди добрые,— Мишка оглядел толпу.— Что за собрание?

— Здрав будь, боярин Михаил. Здрав будь и ты Катерина...— понеслось со всех сторон. А старичок пояснил:

— Вот на диво взглянуть собрались. Стоят тати и ждут, а

чего? Говорят Вас,— Кудеяр поклонился в пояс и прошептал почти еле слышно:

— Вот пришли, как велено,— остальные члены шайки тоже согнулись в поклонах.

— Ну, проходите, коль так,— Мишка повернул запорное кольцо и открыл калитку, рядом с воротами.— Расходитесь, люди добрые, ничего интересного больше не будет сегодня. Вечером приходите, часам к восьми, медом угощу. Уезжаем мы с Катюшей завтра с утра. Все приходите. Сколько есть. Всем передайте. Ждем,—

Мишка взял под руку Катюшу и оглянувшись, попросил Кудеяра:

— Калитку прикройте и проходите в дом,— и разбойники, пугливо озираясь, двинулись гуськом вслед за хозяевами.

Прислугу молодые не держали, предпочитая все делать сами и, Катюша сразу захлопотала у печки, поставив на уголья чайник.

— К столу прошу, господа разбойнички,— пригласил Мишка несмело переминающихся с ноги на ногу мужиков.— Перекусим, чем Бог послал. Катюша сегодня суп грибной сварганила, пальчики оближете. Говорит,— "Мужички подойдут и голодные чай из лесу-то." Наварила чугунище ведерный, так что ешьте сколь влезет.

— Мы, боярин это,.. сыты, ты уж того,..— начал Кудеяр.— Извини,..

— Ну, я во-первых, не боярин — это меня тут так ошибоч-

но все зовут, ну а я и не стал каждому объяснять. Пусть хоть горшком называют, только в печь не ставят. И называйте просто, Михаилом. Во-вторых, садитесь, потому как в ногах правды нет. И за обедом поговорим. Катюша вон уж и миски с ложками расставила. Давай, давай. Коль не голодны, то так похлебаετε за компанию,— мужики переглянулись и прошли к столу. Расселись на лавках и чинно сложили руки на коленях.

— Ну-ка в одну руку ложку, во вторую ломоть хлеба. Сама пекла. Съесть все и пока чугунок не опростаете, не выпущу,—

Катюша принялась разливать по чашкам грибной суп. Потом помчалась в сенцы и вернулась с крынкой сметаны. Быстренько вывернула в каждую миску по огромной ложке и опять умчалась. Вернулась с кувшином медовухи:

— Сухая ложка рот дерет,— расставила перед гостями кружки и наполнила их,— Мишаня-то не пьет у меня, а вам для знакомства можно, да и понадобится сегодня мне мужская грубая сила. Народу-то Мишаня наприглашал, всю деревню. Надо будет в трактир за медовухой и пивом съездить. Давайте, мужички.—

Разбойнички переглянулись, перекрестились на образа и, выцедив из кружек медовуху, принялись махать ложками столь усердно, что через пятнадцать минут в чугунке поварешка уже скребла остатки по донышку, а хлеба умяли при этом две ковриги.

— Молодцы,— похвалила мужиков Катюша.— Если вы еще

и работаете так же, то цены вам нет.

– Спаси Бог, хозяйюшка,– закрестились разбойники.

– Рано, рано спасибо-то говорить. Чай поспел,– Катюша принялась разливать чай.– Самовара нет, жаль. Не завел Тихон. Ну, ничего и из чайничка с пирогами сойдет. С малиной они у меня сегодня,–

Катюша поставила на стол поднос с пирогами.– Ну, не буду мешать. Мишань, отчаевничайтесь, поговорите, да в лавку к Сидорычу сходите. Народу-то придет человек двести. Ты ведь всех позвал, а значит и мелюзга соберется и бабы. А они пряники любят, вот и озаботься. Петушки там какие-нибудь ребятишкам. Боюсь, что лавку сегодня у Сидорыча всю выпотрошить придется. Ну и в трактир загляните. Сколько там у этого, аспида зелья есть, все забирай. Мужики пусть порадуются,–

Катюша выскочила из избы и помчалась по соседям, договариваться насчет столов и лавок.

– Огонь девка, повезло тебе, боя... Михаил то есть,– засмущался Кудеяр.

– Ну, что ж, братцы. Нанимаю вас на работу, если кто не против. Пока на разные погрузочно-разгрузочные, а потом видно будет. Вот Кудеяр мастер саблей махать и наверняка рукопашник, ему инструктором, т.е наставником в самый раз в нашей школе кадетской. Мальчишек обучать. Жалованьем не обидим, жильем обеспечим и документами справными, чтобы власти не придрались. Но до первого срыва. Коль

опять согрешит кто, то сам и ответит. Помогать не правому не станем. Коль не виновен, то вытащим хоть из преисподней. Проверять будем. Ну, с Кудеяром ясно. Это что имя или фамилия?

– Прозвище тако. Кудряшов я Иван Савельев сын,— Кудеяр чуть не подавился пирогом и закашлялся.

– Да ты не суетись, Иван Савельевич. Теперь так зваться будешь. И документы оформим на тебя по этому имени. Кудеяр, конечно, круто, но Иван Савельевич как-то понадежнее и пообстоятельнее,— улыбнулся Мишка, увидев как затряслись руки у атамана и даже кружку тот поставил на стол, чтобы не выронить.

– По батюшке величать станете?— не поверил он.

– Станем,— Мишка опять улыбнулся.

– Ну, Михаил, да я,.. да,.. за Вас, да,..— Кудеяр опять шмыгнул носом по-мальчишечьи.

– Все проехали. Потом расскажешь. Ну а вот ты кто Ноздря — это ведь тоже кликуха?

– Вестимо,— Ноздря дотронулся рукой до носа с рваными ноздрями.— Как вот на люди таким появляться? Только по лесам и шастать. А коли еще на лоб клеймо ляпнут, то и во все кроме как в лесу и быть нигде нельзя.

– Что ты заладил "лес", да "лес". Зовут-то как?

– Иваном також, как Кудеяра и Фамилия Иванов,— пробормотал Ноздря.

– Ага, и по батюшке, небось, тоже Иванович?— высказал

Мишка предположение.

– Откель узнал?– простодушно изумился Ноздря.– Иваном отца звали. У нас все старшие всегда Иваны. Так повелось. Да вот на мне видать пресечется,– вздохнул Ноздря.– Кому такой красавец-то нужен?

– За что наказан?– спросил Мишка.

– Усадьбу барску ктотось пожег, а искать виноватых не стали. Каждому десятому на деревне ноздри рванули. Мне еще повезло, не шибко прихватили, а некоторым оторвали напроч, нос-от. Кровью изошли. Двадцать человек нас всего таких-то... Построили деревню в шеренгу и барин сам каждого указал.

– Это кто ж такой?– любопытствовал Мишка.

– Немец – Шмит Карла Йоганыч. Шибко лют...

– Ну ладно, Бог с ним со злодеем. Что умеешь? Грамотен?

– Нет, Михайло, не учен. А работу всяку могу исполнять. Кузнец я потомственный. У нас все при кузне испокон. Что хошь скую,– Мишка чиркнул карандашом в блокноте:

– Хорошо. Ну а ты, Игнат, кто по фамилии?– задал он вопрос следующему члену шайки.

– По ревизской сказке я Игнат Борисов, а отца с матерью не помню, потому, как барин меня еще малолетним запродавал вместе с родителями другому барину, а там холера. Впрочем все померли и никто не вспомнил потом, что я да как. Записали Борисов, потому как деревня Борисова. А хлебопашеством всю жизнь промышлял. Пока барщина не допек-

ла. А тут вот их в лесу встренул ну и айда,..!!! Безграмотен опять жа.

– Отчество тебе Борисович запишем. Запомни,— Мишка пометил в записной книжке.

– Ну и Касьян остался.

– Этот у нас грамоте-ей. Все науки превзошел. Семинарию в Москве закончил, да вот с епископом не ужился,— Кудеяр хмыкнул.— Им ведь после окончания положено матушку найти иначе приход не дают. А Игнату вокурат 25-ть и стукнуло, а он не женится, вот его в звонари и поставили в наказание. А жалование там... В общем разругался он с настоятелем, да и подался в лес.

– Что-то больно гладко. Сам-то, что без языка что ли?— Мишка хлопнул Касьяна по плечу.— Не робей.

– Да я и не сробел, Михаил Петрович, просто слово ведь вставить не дает атаман-то наш бывший.

– Откуда отчество мое узнал?— взглянул на него пытливо Мишка.

– Крестьяне в толпе так назвали, вон, мол, боярин Михайла Петрович с Катериной.

– Грамотен значит? Нам учителя нужны. Согласен ли? Да назовись.

– Пушкин Касьян Сергеевич,— улыбнулся бывший семинарист расстрига. Мишка карандаш чуть не выронил:

– Ну, брат, фамилия у тебя знатная. Хорошо хоть, что не Лермонтов.

– А это кто ж таков?– спросил Касьян и отхлебнул чайку.

– Да, есть такая знаменитость. Это я так к слову,– Мишка оторвал взгляд от блокнота.– Ну, вот и все, братцы, сейчас отправимся выполнять поручение Екатерины, а все остальное уже в Москве. Бумаги и прочее. Пока рядом будьте, чтобы недоразумений не было. Переоденем вас, во что-нибудь в лавке у Сидоровича. Уж больно выглядите непрезентабельно. Непотребно, в смысле неказисто.

В Москву выехали ранним утром и к обеду уже подъезжали к особнячку. Жизнь здесь бурлила. За месяц тихий домик превратился в маленький вулкан. Гриня, встретивший их у ворот, кинулся открывать дверцу кареты:

– Молодые возвратились!– крикнул сам себе, потому что никого больше рядом не было.– Здравия желаю!– вытянулся он, открыв дверь и молодцевато поднес руку к картузу.

– Чего это ты, Гринь, ровно солдат нас приветствуешь?– Мишка выпрыгнул из кареты и подал руку супруге.

– Так тяперича так здесь все здороваются, потому как мы Училище. ФЗУРМ.

– Чего мы "тяперича"?

– ФЗУРМ – Фабрично-заводско училище расейской молодежи. Вона и вывеска соответственная.-

Мишка с Катюшей повернули головы и увидели над входом "соответственную" вывеску.

– Однако, тут время зря не теряют. А мы новых сотрудников привезли. Гринь, найдется, где обустроить или как тут

нынче с площадью?

– С площадью плохо, все для кадетов. Спальни, классы. Могу временно пустить в свои хоромы. Выделю комнатенку, коль не на долго,— Гриня хмыкнул.— Марфуша уже привыкла в трех-то горницах хозяйничать. Ежели возражать не будет.

– А говорил "куда столь", — напомнил Мишка.— Ты, Гринь, скажи Марфуше, что на недельку и заплатим за постой, как положено. Ребята смирные, вежливые, богобоязненные. Знакомься,— четверо новых "сотрудников", бывшие разбойнички, переодетые в новые зипуны, подошли, спрыгнув с телеги и степенно поклонились Грине.

– Вы тут пока побудьте, я с начальством переговорю и представлю вас, как полагается,— озадачил их Мишка и ушел с Екатериной в особняк, а мужики, столпившись вокруг Грини, принялись его расспрашивать, что здесь и как. А тот с удовольствием принялся хвастаться "своим хозяйством".

Внутри особняка стояла тишина, которую нарушал только голос Федора Леонидовича.

– Урок ведет,— шепнул Мишка Катюше на ушко.— Пошли на кухню с Марфушей поздороваемся.

На кухне они застали не только Марфушу, но и Тихоновну с Силиверстовичем.

Силиверстович сидел за столом и с видимым удовольствием прихлебывал из чашки чай. Женщины сутились у плиты.

– Мишаня, с Катюней...— всплеснула руками Тихоновна и кинулась обнимать молодоженов. — Ну, как там в деревне?

– Хорошо, тетушка, а вы тут, гляжу, развернулись во всю Ивановскую? Много ли кадетов набрали?

– Здорово, племянш,— Силиверстович радостно улыбаясь, обнял Мишку и Катюшу.— Садитесь, перекусите с дороги. Мать, корми ребят. А кадетов сорок человек нынче здесь. По распорядку живем. У Петра Павловича не забалуешь. Ох, строг. Все по часам у него. Везде их повесил, чтобы, значит, никто не мог отпереться не знанием. Даже вон Марфушу заставил научиться циферблат понимать. Запугал девку так, что у бедной целую неделю глаза, как пуговицы круглыми были,— развеселился Силиверстович.— Выучила! Марфуш, скажи пожалуйста сколь сейчас время?

– Двенадцать сорок семь,— торопливо ответила Марфуша, глянув на ходики висящие над столом.

– Молодец!— Мишка подмигнул Силиверстовичу.— И чем же это Петр Павлович запугать смог бедную Марфушу аж до глаз "пуговицами"?

– Сказал, что пока цифирь эту не усвою как след — в церкву, чтоб ни ногой. Грех-то какой!— пригорюнилась Марфа.

– И долго ли училась?

– Цельный день, Михайло Петрович. Спасибо Тихоновне — разъяснила. Самой бы мне и за седмицу не сообразить,— вздохнула Марфа.

– Что ж он так насел-то на тебя, Марфуш?— посочувствовал ей Мишка.

– С обедом припозднилась, урок задержала и расписания

регламентна сорвалась, по ту пору. И все навроде, как я виной,— пожалала плечиками Марфуша.

— А кто же на самом деле?

— Дак кто ж знат? Я ить при кухне завсегда. Может, зашел кто чужой, да сорвал? Двери не заперты. За чужой грех пострадала, Михайло Петрович. Вы бы сказали, батюшке-то своему, чтоб не гневался.

— Скажу, Марфуш, покормишь нас с Катюшей, и тогда обязательно словцо за тебя замолвим,— пообещал Мишка.— Силиверстович, по-моему, не прав Петр-то Павлович? Невинного человека обвинил, Бог знает, в каких преступлениях,—

Марфуша, услыхав про "словцо" заметалась от плиты к столу с такой поспешностью, что вместо двух чашек борща, налила три и ложек выложила столько же.

— Это ты, Марфуш, кому третий прибор установила? Двое нас с Катюшей. Или ты и Силиверстовича подкормить решила?

— Оне уж отобедали,— растерялась Марфа.— Это я в заполохе-то напуталась,— и чуть не расплакалась из-за этой оплошности.

— А сама-то обедала уже? Нет? Ну, так и присаживайся, давай с нами. Павлушка-то где, что-то не вижу?

— Павлуша из классов не вылезает. А Федор-то Леонидыч гнать не велел. Говорит, смышлен и когда вырастет, то непременно ученым будет,— покраснела Марфуша, усажива-

ясь за стол.

– А ты сама-то грамотна?

– Где уж нам-то. Считать вот выучилась до ста с Тихоновной, а буковицы шибко сложно постичь. Да и к чему мне? Вон, Тихоновна говорит что надо. А, Гриня, говорит "на кой леший?" Кого слушать?

– Тихоновну, она старше. А Грине мы объясним, что не прав он. Учись, Марфуша, читать. Я тебе книгу с кухонными рецептами подарю.

– Ой, правда?

– Вот те крест, подарю. Будешь по книге готовить. Тогда Петр Павлович зауважает небось.

– Ох, и трудно это азбуку-то постигать. Я уже три буквицы знаю. Аз, Буки и Веди.

– Старайся, Марфуш. Я к вам на постой четверых мужиков на недельку привел. Потерпите с семейством? Заплатим за беспокойство,— вспомнил Мишка о насущном.

– Так я что? Как Гриня скажет.

– Гриня сказал, как ты, так и он.

– Ну, вот и ладно. Пусть живут сколь надо. Мужики-то смирные?— забеспокоилась Марфа.

– Смирные, мухи не обидят. Вот у Катюши можешь спросить — она не даст соврать,— заверил ее Мишка.

– Хорошие ребята, но ты с ними построже. Коль чего сказала, так требуй, чтоб выполняли. Они строгость любят. Привыкли видать сызмальству,— подтвердила Катюша, улы-

баясь.

— Вон как? Хорошо, что упредила. Буду по строжей,— Марфуша воинственно стукнула кулачком по столу, наморщила курносый носик и вдруг гаркнула фельдфебелем:

— "Равняйся. Смирна!"— Мишка подпрыгнул от неожиданности. А Марфуша засмеявшись, спросила:

— Так ладно, аль громче надоть?

— Ну, папенька...— Мишка изумленно уставился на кухарку.— Всех заразил тут своими армейскими штучками. Кадеты, наверное, строем ходят?

— А и правильно,— махнула рукой Марфуша.— В форме — так нечего толпой праздной прогуливаться. Только больно уж громко топочут, все разом когда,— наверху раздался звонок и тишина наполнилась гулом голосов.

— Обед у кадетов-то. В столовую сейчас нагрянут,— вскочила Марфа.— Кухарок, Михайло Петрович, надоть еще нанимать, двух аль трех. Не успевам мы уже с Тихоновной на такую ораву готовить. Ребятишки, конечно, помогают, которые по наряду дежурят, но оне ведь что, только как сила, а варить-то мы. Не успеваем.

— Ну, пока один раз всего не поспели,— Тихоновна открыла окно из кухни в столовый зал: Принимайте котлы, ребята,— в окне появилось несколько любопытных мальчишечьих мордашек.

— Спасибо! Накормили. Не будем вам мешать.— Мишка поднялся и подал руку Катюше.

– Как там, у маменьки, с мастерской? Справляется?

– Что ты, Мишань. Раскрутила так, что просто диву даемся. Она сорочки строчит готовые и картуза. Пол Москвы носит. Заказы-то ручные на машинках – быстро без работы оставили, вот и взялась за готовую продукцию. Катюше теперь только поворачиваться успевать. А еще форму вон кадетам, да рабочим. И такая ладная, что и горожане пошли с просьбами. Силиверстович сапожную мастерскую налаживает, что б самим сапоги-то тачать. Трех сапожников уже посадил. Шьют. У нас тут, Мишань, у всех забот полон рот, – принялась делиться последними новостями Тихоновна, одновременно орудуя поварешкой.

– А Серега, чем занимается?

– Серега арифметику преподает и снабжением ведает. Нет же ничего, за что ни возьмись. Вот и бегаёт туда-сюда. А еще стройками, да финансами... Ну и с чиновниками тоже он дружбу налаживает. Его уже вся Москва знает. Даже ограбить пытались.

– Да вы что? Кто? И чем кончилось?

– Говорила ведь оглашенному, не носись ночами по городу один. Так он разве слушает. Вот и подкараулили с кистенями. Трое говорит было всего злодеев-то, –

Тихоновна поджала губы и, подавая каравай с хлебом в окно, добавила. – Соврал, конечно, больше их там было.

– Почему так думаете?

– По количеству зубов, которые полиция сосчитала потом

выбитых. Столько у троих не бывает.

– Так сколько их там нашли? Тыщу что ли?– взглянул на нее удивленно Мишка.

– Ну, тыщу конечно не собрали, но десятка три и все передние. Ты его сам расспроси, коль интересно, ведь с проломанной головой приполз,-

Тихоновна вздохнула скорбно.– Лихих-то людей на Москве много. Обыватели на семь засовов запираются на ночь. Разбои по городу – дело обыкновенное. Ты хоть ему скажи, шалопутному, чтобы побережливее себя вел. Ну, куда ночью бежать? День есть для дел-то.

– Скажу, тетушка.

На кухню вбежал Петр Павлович, закричав с самого порога:

– Марфа, принимай дежурных, поставь задачу,– следом за ним вошли четверо парней различного возраста от 10-ти до 18-ти. Они остановились на пороге и, стянув с голов форменные фуражки, хором поздоровались: – "Здравия всем желаем".

– Орлы,– похвалил Петр Павлович парней и кинулся обнимать сына с невесткой.– Приехали, наскучило лоботрясничать-то? Это там мужички с вами?

– Да, батюшка,– Мишка скривился, а Петр Павлович, расплылся в довольной улыбке.– Там интересный человек для тебя есть. Сабельным фехтованием может удивить. Кудряшов Иван Савельевич. Кузнец еще среди них – Иванов Иван

Иванович. Ну и семинарист вам интересен, наверное, будет – Пушкин Касьян Сергеевич.

– Пушкин?– переспросил Петр Павлович.

– Пушкин, Пушкин. А что тут такого? Учителем может работать.

– А про четвертого, что ж не говоришь. Неумеха что ль?

– Пахарь он и для ФЗУРМа бесполезен. Разве что в помощь Грине. Борисов Игнат Борисович.

– Ладно, разберемся. А тот, что с лицом покалеченным – это кто?

– Кузнец и есть.

– Пластическую операцию ему бы не мешало сделать. Больно уж страшное лицо у парня,– посочувствовал Петр Павлович.

– Нет здесь пока пластических хирургов,– вздохнул Мишка.

– А тебе, когда лицо рубанули, чем лечили?

– Так допотоповскими средствами из аптечки. Только у меня-то, свежая была царапина, а у него уже зарубцевалось. Вряд ли поможет, такой шрамище и часть вообще отсутствует. Попробуем, конечно, но лучше парня не обнадеживать. Он и так переживает, что за него никто замуж не пойдет.

Глава 4

Прозвенел звонок, извещающий об окончании перемены и, в соседнем помещении загремела, собираемая дежурными посуда.

– Ну ладно, я молодцов твоих забираю. Иванова, пока попробуешь подлечить, оставляю тебе. Борисова в помощь Грине. Марфа, проследи,– Марфа щелкнула каблуками:

– Слушаюсь.

– Ну, девка, на глазах растешь,– умилился Петр Павлович.

– Рада стараться, Петр Павлович,– гаркнула Марфуша и первая рассмеялась звонким смехом, а за ней и все присутствовавшие, даже кадеты расплылись в улыбках.

– Вот так и живем,– Петр Павлович хлопнул Мишку по плечу и выскочив за дверь, крикнув на прощанье:

– Поезжайте в швейную. Там вам все приготовлено, а я вечером подскочу. Серегу там найдешь. Он девчонкам какую-то приспособу для перемотки ниток ставит с утра.

– Ну, мы в швейную. Вечером приезжайте,– Мишка обнял за плечи Катюшу.

– Дак а куда нам еще? Отсюда выдворили. Кадетам места мало. Там и живем пока все. Катюше спасибо. Большой дом завела. Повезло тебе, Мишань, хорошее приданое у невесты-то,– Силиверстович тоже поднялся со скамьи и, взяв под локоть Катюшу, шепнул ей:

– Не обижает, племянничек-то? Если что, ты сразу ко мне беги. Ох, и лют я на расправу.

– Да что вы, Евлампий Силиверстович,– засмущалась Катюша и прижалась к Мишке.– Он хороший, не надо его на расправу.

– Ну, раз просишь, тогда ладно. Поехали, молодожены. Проедусь с вами. Я сапожную-то рядом с Катюшиным домиком открыл. Домишко, правда, неказистый, бревенчатый, но место бойкое. В следующем году построим что-нибудь посolidнее, а эту завалюху снесем к едреней фене. А пока мужички сидят и стараются.– во дворе они увидели только одинокую фигуру Ноздри, он стоял у ворот и рассматривал кованные прутья. Увидев Мишку, подошел и, сняв картуз, спросил:

– Мне сказано, чтоб при вас пока быть. Верно?

– Верно, Иван Иванович. Садись в карету, поедem в швейную мастерскую, а там уж на месте решим, что с тобой делать. Знакомься – это Силиверстович. Он у нас кузнечными делами занимается. К нему пойдешь в артель, если условия подходящими покажутся. Знакомься, Силиверстович,-

Мишка, открыл дверцу кареты и, пропустив вперед Катюшу, шепнул на ухо засмущавшемуся бывшему разбойнику:

– Не робей, Вань. Будь проще. Силиверстович мужик свойский.

Девчата, соскучившиеся по Катюше, подняли визг и кинулись ее обнимать. Затормошили и закружили все сразу,

рассказывая о своей жизни без нее целый месяц. И воспользовавшись этой веселой кутерьмой, Мишка увел Ноздю наверх, где в рабочем помещении копался в углу Серега, собирая какую-то машинку.

— Здорова, Серега,— гаркнул Мишка, хлопнув друга по согнутой спине.

— А-а! Явился. А я-то думаю, чего там девки верещат. Вот аппарат монтирую для раскройки. Такая фиговина заумная. С утра быюсь. Все мозги заплелись. Вот не пойму никак, что это за штыри торчат и куда их соединять,— Серега швырнул гаечный ключ на стол.— Это кто с тобой?

— Это Иван Иванович — кузнец,— представил ему нового сотрудника Мишка и Серега даже лицом посветлел, услышав, кого он привел.

— Кузнец? Значит, в технике рубить должен. Слушай, Иванович, глянь, что за хрень тут. Не хочет вертеться, язви ее. И инструкции нет, как собирать. Может, не хватает чего?

— Ты где это чудо достал?— Мишка заглянул под столик.— С ножным приводом.

— Не поверишь, Миха, в антикварке стояла. И отдали почти задаром. Она у них только место занимала уже два года, а выбросить рука у торгашей не поднималась,— Ноздря тем временем, присев на корточки, осматривал машину и хмыкал.

— Ну что?— Серега присел рядом с кузнецом.

— Тут должен еще винт быть. Потому как вот это коле-

со с энтим сопрягается,— сделал заключение кузнец.— Тут главное чтоб по длине не промахнуться. Надо провернуть на ближнее место и самое большое. Вот эдак оно тут провернется. Крутни-ка вот то колесико,— Серега завертел колесо.

— Да, вот отсель и до этого места чтоб,— Ноздря остановил вращение колеса, разобравшись с причиной поломки.

— Ну, так на рулетку и замерь,— Серега сунул в руку кузнеца рулетку и тот принялся ее рассматривать, как диковинку.

— Тьфу ты. Я совсем и забыл, что тут все в аршинах,— понял Серега его затруднения без слов.— Ну, а где это сделать можно? Винт этот?

— Так в кузне любой. Кузнецу снести чертежец.

— Тебе и карты в руки,— обрадовался Серега.— Займись, Иванович. А мы пока с Михаилом пообщаемся. Денег, наверное, сколько-то надо? Скажи. Вот карандаш, бумага. Рисуй,— Серега выложил перед кузнецом на стол швейный все перечисленное и облегченно вздохнул: — Гора с плеч. Где нашел мастера?

— В деревне. Слушай, Серега, как думаешь, из аптечки лекарств, те что ты мне давал в Америке, могут как-то помочь Иванычу. Вишь, как парню нос подпортил барин евоный?

— Не знаю. Ну-ка, Иванович, дай глянуть. Ни хрена себе. А я и не заметил. Попробуем. Хуже-то не будет, я думаю. Иванович, мы тебе сейчас пилюлину дадим, от которой кожа станет чесаться и шрам рассасываться, ну и мазь целебную, так что ты уж потерпи часок-другой,— Серега выскочил в со-

седнее помещение и вернулся с аптечкой.— Мне тут она самому недавно потребовалась, так что далеко ходить не надо.

— Слыхали. Тихоновна сокрушается. Ты чего по ночам шляешься, да еще без "Завесы"? Сколько народу-то напало?

— Человек десять навалилось. Не нравится мне тут кое-что, Миш. Не случайно ведь это было. Живьем они хотели меня взять и куда-то увезти. Промеж собой говорили:— "Хватай, вяжи".— Грабители так себя не ведут. По наводке чьей-то выследили. Вскользь дубиной опять же приложили. Убить не хотели, оглушить только. Кабы не это так...— Серега махнул рукой. — Пора нам расследование провести. Тебя ждал. Потом поговорим про это подробнее, сейчас набегут девчонки, да и Нина Андреевна не даст спокойно поговорить. Гло-тай, Иванович, пилюлину. Нет, не горькая, запивать не нужно. Ну а теперь давай свой нос сюда, намажу мазью,— Серега принялся салфеткой протирать нос кузнецу и прилепил ее пластырем.— Вот так и походи часика два. Ну, в общем, пока не скажу, что пора снимать. А любопытных посылай подальше,— кузнец потрогал белую нашлепку на носу и прогундо-сил:

— Уже чесаться начинает, терпеть, али почесать можно?

— Ну-у-у, вокруг чеши, сколько влезет, только повязку не трогай,— разрешил Серега, и кузнец принялся скрести пальцем рядом с пластырем, блаженно жмурясь.

— Э, брат, ты я смотрю, прибалдел, а работа стоит,— напомнил Серега.

– Это мы мигом,— опомнился Иван Иванович и принялся вычерчивать карандашом кривулину на листе бумаги.

– Не будем мешать. А где тут кузница поблизости — это у Катюши спроси. Или у девушек,— Серега подмигнул Мишке: — Пошли, человек в процессе.

Поговорить, однако, друзьям спокойно не дали. На второй этаж ворвался хоровод белошвеек и, затащив их в свой водоворот, понес в трапезную, где в него с причитаниями влилась Нина Андреевна и вырваться из этой круговерти праздничной сил, да и желания не было.

– Выходной, девочки!— объявила Нина Андреевна, и кто-то закричал дурачась: — Ура-а-а!!!

– Как детишки, которым сказали, что училка заболела и уроков не будет,— шепнул Серега на ухо Мишке и тут же получил подзатыльник от Катюши.

– Что за наущничанье? При честном народе. Огласи — пусть все порадуются.

– Красавицы говорю, девушки-то у нас, прямо глаза разбегаются,— заухмылялся Серега.— Больше ничего не сказал.

– Красавицы значит? А уроки какие помянул?— продолжала уличать его Катюша.

– Ну и слух у тебя, Катерина! Сказал, что радуются ровно ребятишки, когда урок отменяют.

– А чего это они у вас радуются отмене уроков?— не поняла Катюша.

– Не у нас! У нас как раз не радуются, да и не отменяли

пока уроков ни разу. Я вообще о том, что ученики обычно радуются и орут "Ура", ну вон и Полина закричала,— Сереге надоело оправдываться, и он перешел в наступление:

— А ты, Екатерина, смотрю, от Мишки манер набралась. Этот охламон влетел и по спине огрел так, что чуть душа не выпрыгнула. А ты и вовсе по голове норовишь? Я тут глаз не смыкаю денно и ночью производство тебе налаживаю, девчонок твоих грамоте обучаю и даже, виданное ли дело, сколько раз мусор уже вынес. Вот и делай добро, ближнему!— завозмушался он.— Злые вы, уйду я от вас в монастырь. Давно собираюсь!

— Сержик, прости окаянную,— чмокнула его в щеку Катюша.— Спасибо тебе, роднуля. Не надо в монастырь-то. Скучно там и голодно. Оставайся, пожалуйста. А мы тебя женим. Вон сколько невест, да работающие все... А пироги, какие пекут! Девчонки, почему Сергей Алексеевич по сию пору никому предложение не сделал?— строго окинула она взглядом притихших белошвеек.

— Так Они здесь редко бывают. Забегут на минутку и только их и видели. Не успеваем мы глазками-то пристреляться,— вздохнула с сожалением Полина. Девушка дородная. Именно про таких, как она поэт потом ляпнет:— "Коня на скаку остановит..."— Нам бы его хоть на денек, уж бы мы его...— поддакнула Марфуша — специалистка по пирогам и все заулыбались.

— Девоньки, столы накрываем. Праздничный обед у нас

сегодня,— Нина Андреевна похлопала в ладоши. И белошвейки принялись в сорок рук накрывать столы.

— Тесновато будет,— озабоченно оглядела помещение Нина Андреевна.— Мы же в две смены обедаем и трапезная маловата. Ну, ничего, в тесноте, да не в обиде. Девочки столы рабочие несите и стулья из мастерской пошивочной. И там мужчину прихватите, я видела, топчется у закроечной. А эти гаврики бросили парня, а сами умотали сюда. Эх, Мишань. Разве ж так можно?

— Мамуль, это кузнец Иван, он делом занят и как только освободится, так мы его и пригласим. Человек деталь рисует.

— Выкрутился,— сделала вывод Нина Андреевна.— Ты, Мишань, барские замашки тут не приобрети, смотри.

— Вот, вот. Проще будь и люди к тебе потянутся,— поддакнул ей Серега.

— Ох, подхалим. Сам-то каков? Давеча слышала я, как ты с околоточным надзирателем-то разговаривал. Ну-ка вспомни?— Серега покраснел, очевидно, в разговоре с "участковым" местным в выражениях не стеснялся.

— Так он и сам "поливал" будь здоров,— пробурчал он оправдываясь.

— Не уподобляйся. Со стороны-то одинаково мерзко обоих слушать было. Ну, он-то глуп. А ты что? От ума большого с ним на одну доску запрыгнул?

— А как же хамов учить-то?— не понял логики Нины Андреевны Серега.— Он, значит, меня по матушке чихвостит, а

я ему должен в ответ реверансы отвешивать? Так что ли?

— А ты должен его поставить на место словами, но не оскорбляя и голос не повышая. И этим поставил бы его на место скорее гораздо, да еще и уважать себя заставил уж всяко. А теперь он думает, что вы с ним два сапога пара, только размера разного,— добила Серегу Нина Андреевна.— Ничего, молодой еще, а я рядом и присмотрю,— пообещала она Сереге, который совсем сник, поняв, что мамуля Мишкина права.

— Попал!— пробормотал он сконфуженно.— Все воспитывают. Эх, как в монастыре-то хорошо, молись себе с утра до ночи!

— Ты, Сергей Алексеевич, что-то опять напутал. В монастыре-то тоже начальство есть над братией. И первая молитва у них — труд. Ты что ж, думал, там с утра до ночи только поклоны бьют? Там работают от зари до зари. Для молитв сугубых — ночь,— засмеялась Катюша.— Вон хоть в Донской загляни. Труженики первые монахи-то. Потому как Богу работают, Христа ради.

— Да-а-а?— Серега растерянно сел на лавку и чуть не смахнул рукой стопку тарелок.— Вот ведь сюрприз какой. А я думал, что они на лошадях по городам и весям скачут, да саблями машут изредка по необходимости, как Пересвет с Ослябой.

— Пересвет-то не был монахом, когда за меч-то взялся. Отпустил его Сергей — батюшка с благословлением на ратный труд. Монах за меч ежели взялся, значит, Бога после булата

поставил,— вздохнула Катюша.

— Катерина, ты откуда про Пересвета-то знаешь?— Серега посмотрел на Мишку с подозрением.— Никак, Михаил рассказал.

— Ну да, он. Мне в приходской только счет, да Слово Божье дали. По нему и грамоте учили. Батюшка-учитель сам был не горазд в истории. А мы и не спрашивали. Династию нынешнюю заучили до матушки-Императрицы и довольно. А Мишаня книг много прочел, его слушать интересно. И про Америку и про поле Куликово. Так складно рассказывает, будто сам там побывал. А про Тохтамышку, как поведал занятно,— Катюша ласково взглянула на Мишку. С гордостью.— "Вот какой у меня муж".

— Да уж!— Серега блеснул лукаво глазами.— А про чудеса Коломенские он тебе не рассказывал?

— Про чудеса? Нет! А что там за чудеса?— Катюша дернула Мишку за руку:

— Мишань, что за чудеса в Коломне-то явились?

— Катюш, я тебе потом расскажу — это долго, а сейчас вон уже девушки и столы накрыли и Иваныча притащили. Нас ждут. Ты мне напомни, если забуду.

— Хорошо. Я страсть как сказки-то слушать люблю,— не стала Катюша настаивать.

— Михаил, у нас сказочник тот еще,— Серега поднялся на встречу Ивану-кузнецу:

— Иваныч, ты уж извини, что к столу не пригласили. Сами

не знали, что тут застолье собирать срочно начнут. Садись. Пообедаешь и потом вместе смотаемся к кузнецам. Девчонки, знакомьтесь – это Иван Иванович – кузнец, а пластырь на носу, потому что производственная травма, кувалдой зацепил нечаянно, – представил он белошвейкам Ноздрю.

– Бедненький, – пожалела кузнеца Полина и тот, покраснев до корней волос, взглянул на девушку благодарно.

– Вот Полине, как самой милосердной и сердобольной поручаем шефство над Иванычем, – тут же сбаврил Сергей кузнеца белошвейке, которая от его слов запунцовела не меньше Ивана. – И вы тут соревнование прекратите в скромности устраивать, – Серега похлопал кузнеца по мощному плечу.

После праздничного обеда, белошвейки затеяли хоровое пение и Мишка с Серегой заслушались, забыв про то, что нужно ехать в кузню. Да и кузнец тоже не спешил им напоминать, украдкой посматривая на Полину. Видать приглянулась белошвейка бывшему разбойнику.

– Жаль без музыки. Гармонь бы сюда. Девчонки-то прямо ангельскими голосами заливаются. Вот что значит стимул, Миш. Пошли, курнем. Я ведь тут один дымлю, девчата гонят вон. Как зимой быть, ума не приложу. Хоть бросай, – парни тихонько встали и на цыпочках вышли из трапезной.

– Мишань, ты куда? – шепнула Катюша и кинулась было следом.

– Мы с Серегой на перекур. Ну и поговорим кое о чем.

– Смотри сам не пристрасись, – обеспокоилась Катюша.

— Ну что ты, раз в детстве не закурил, то теперь-то уж вряд ли пристрастюсь,— успокоил ее Мишка.

— У вас что, с детства к этому приучаются?— удивилась Катюша.

— Да по-разному бывает,— улыбнулся Мишка и выскользнул следом за Серегой.

— Вот и кончилась вольная жизнь,— констатировал Серега, выйдя во двор и присев на лавочку, явно для этой цели тут установленную, для перекуров.— Теперь будешь волей не волей отчитываться, где был, да с кем и что делал.

— И что? Не отчитываться, а делиться,— возразил Мишка.— Приходишь домой, а тебя ждут и переживают, что там и как. Ну и сочувствуют.

— Может твоя-то и посочувствует, а вот я что-то таких не встречал жен в нашем времени. Все, как с цепи сорвавшись. Что у нас с женщинами, Миш? В нашем родном двадцатом? Или потаскухи до мозга костей или гримзы. Золотая середина куда подевалась? В этом веке и в следующем что ли повывелась?

— Зря ты так. Есть же много хороших девчонок и у нас. Ты вот лучше расскажи, что за наезд на тебя был и что там за ругань у тебя с "участковым"— околоточным?

Серега закурил и, выпустив дым, пожал плечами:

— Да я и сам ничего не понял. Хорошо, что вскользь дубина прошла, и успел "Завесу" наклепнуть, а потом уж оторвался по-полной.

– Ну да, Тихоновна про три десятка зубов упомянула. Кто подсчитал?

– Это чмо мордатое и подсчитало,– сплюнул Серега.

– Околоточный?– Серега мрачно кивнул.

– И что?

– А то, что прибежал он через пять минут после того, как злодеи разбежались. Расползлись,.. то есть. И сразу принялся зубы собирать выбитые. Факел разжег, гнида и пополз собирать. Сперва, конечно, забежал и про самочувствие спросил, козел.

– Я смотрю, ты этого "ментяру" без оскорблений и вспомнить даже не можешь?

– Дак он же гаденыш на другой день приперся и начал намекать, что, дескать, про драку докладывать по начальству не станет, ежели ему ручонку его загребушую, как следует позолотить. Такое зло меня взяло. Сколько я уже взятки насовал только за последний месяц. Миллион не меньше и этому еще дай. Да за что? За то, что меня же чуть не убили? Сволочь!!! Ну и сказал ему пару ласковых. Извини, громко видать орал. Нина Андреевна услыхала. Жаль. Теперь будет доставать и воспитывать. Ну и подумала Бог весть, что про меня,– вздохнул Серега сокрушенно.

– Да не парься. Все она правильно поняла. Ты еще не слышал, как она батюшку одергивает.

– Да-а? Ну, тогда потерплю,– засмеялся Серега.– Так вот я и говорю – эта сволочь приперлась с утра и начала намекать,

что я с дружками кого-то избил. И зубы эти мне в нос сует. Вот я и послал его, сам знаешь куда.

– И все?

– А что еще-то?

– Ну, ты говорил, что орали напавшие чего-то там?

– А, ну да. Орали.— "Хватай, вяжи" и имя то ли Долдон, толи Антон кто-то вякнул. А так, молча все норовили.

– А где все случилось-то?

– Ты не поверишь, прямо вот там у крыльца. Ждали видать суки!

– Морды хоть успел рассмотреть?

– Какие морды? Я же только вышел, и глаза к темноте еще привыкнуть не успели... Тут сразу шарах по черепу. У меня искры из глаз, ну и слышу "Хватай, вяжи". Хорошо что "Завеса" всегда при себе. Хлопнул и в крыльцо вцепился. Пока дергали, через минуту в себя пришел, ну и...

– Понятно. Долдон, Антон... А околоточный, говоришь, сразу прибежал?

– Ну да. Девчонки мне черепушку бинтуют, а тут он за-явился. На шум, дескать. Увидал, что живой я и полез было с расспросами, да Нина Андреевна его вежливо отшила. Сказала.— "Ты, служивый, гуляй пока, завтра придешь с расспросами. Видишь, покалечили парня, не может он говорить". И так на него глянула, что "мент" сразу слинял и спорить не стал. Все таки они в 18-том не такие борзые, как в нашем 20-ом. Знает эта гнида что-то. Взять бы его за глотку. Руки пач-

кать не хочется. Да и некогда было. Решил тебя дождаться.

– Когда было-то это все?

– На прошлой неделе. В четверг.

– А бежал, куда так поспешно? К Лили?

– Нет, там все глухо. Замуж она собралась. Нашла себе немца лысого, но при деньгах. Карлом звать,– усмехнулся Серега.– Шмидт фамилия.

– Иоганович?

– А ты откуда знаешь?

– Так это он велел Ивановичу ноздри вырвать. Усадьбу его кто-то подпалил из деревенских, ну он дознание проводить не стал, а велел каждому мужичку 20-му ноздри вырвать. Построил и каждого двадцатого самолично отсчитал.

– И что? Не взбунтовалась деревня?– удивился Серега.– Вот скотина лысая.

– Не знаю насчет бунта. Не спросил я Иванныча. А он сам в лес подался разбойничать. Там с ним и познакомился. Ограбить нас с Катюшей хотела шайка его.

– Ну-у! И ты, конечно, им накостылял, а потом пожалел по обыкновению своему?

– В том-то и дело, что не я, а Катюша уладила. Как принялась их страшать, да совестить они и на колени попадали, а тут еще и гром загредел. Она как крикнет.– "Кайтесь",– и гром грохочет. Я сам чуть не упал!

– Да ты что?! Ну-у, Катерина!!! А дальше-то что?

– А дальше... Дальше совсем, Серега, чудеса начались, от

которых до сих пор у меня в голове звон стоит. Перевернулось кое-что в голове и до сих пор не устаканилось,— признался Мишка.

— Ты прекрати загадками-то... Что за чудеса?

— Да, понимаешь, Катюша крикнула, что где двое во имя Христово собрались, то там и Он посреди сам есть, ну и загремело вовремя. Разбойнички на колени, я саблю чуть не выронил. А потом, когда эти-то орлы ушли, возьми да пошутить про своевременность громов. Мы с ней, минут за десять до того, под дождь попали и сушились у костра, когда эти-то архаровцы нагрянули. Ну и Катюша тогда мне выволочку устроила, дескать, в Бога не верую и на саблю свою больше чем на Него рассчитываю.

— А ты что?

— А я отшутиться попытался, мол, еще пару таких вот чудес и уверую совсем. Тут она и вовсе разобиделась, хватъ саблю-то и молитву зачитав, сломала ее пополам, как хворостинку.

— Чего-о?! Ну-ка покажи!— Серега даже со скамьи приподнялся и вцепился в рукоять сабельную Мишкину.

— Нечего показывать. Ты слушай, что дальше было. Прибалдел я, а она мне под ноги обломки швырнула. Ну, я, конечно, кинулся прощения просить, да и мороз по коже опять же, а она взяла саблю, подняла и обратно срастила — опять с молитвой. Даже следа не осталось,— Мишка вынул саблю из ножен.— Смысла нет показывать.

– Слушай, Миш, я басни сам горазд сочинять, но если это приколы, то не самый удачный. Какая молитва? Чтобы эту саблю сломать, ее под электричку сунуть нужно и то спружинит, – Серега буквально впился взглядом в лезвие.

– Так и знал, что не поверишь. А Катюша ломать для тебя не хочет. Говорит, что Господа попросила и это его Воля была в обоих случаях. А она только молитву зачитала, – унылым голосом произнес Мишка.

– Значит, говоришь, там где двое во имя Его соберутся там и Он?

– Ну да, так. Ты что делать собрался?

– Проверим сейчас. Мы ведь оба крещенные и на поле Куликовом причащались. Вот и соберемся во имя Христово. Какую Катерина молитву зачитывала? – деловито осведомился Серега, усмехнувшись.

– Господню, только, Серега, нельзя так-то... Искушение это. Господь не мальчонка на побегушках, чтобы в экспериментах глупых участвовать по твоему капризу. Если веришь, то это и не нужно.

– Это, Миш, не искушение – это может быть ответ на все мои вопросы сразу. Ну-ка встань и зачитывай "Отче наш" и "Духу святому", – Мишка пожал плечами, но с лавки все же поднялся и "Отче наш" зачитал, а затем и "Духу святому", –

Серега перекрестился в сторону ближайшего храма и протянул Мишке свою саблю:

– Ломай, – Мишка взял осторожно лезвие в руку, чтобы не

порезаться и, зачитав молитву "Господню" попытался сломать сталь, но она не поддавалась.

– Ну, вот видишь,– Серега улыбнулся.– Может тебе показалось? Ну, мало ли, гипнозом Катерина владеет или морок навела нечаянно?

– В гипноз, значит, веришь, а в Бога нет?

– Почему же, Верю, только Он не станет такой мелочью заниматься. Он делами глобальными ворочает, а мелочь нам людям оставил.

– Ты, значит, решаешь, чем Господь станет, а чем не станет? Столбы ему пограничные понаставил?

– Не решаю, а предполагаю и не безосновательно, между прочим.

– Хорошо тогда ты прочитай молитву, а я послушаю, как ты ее прочитаешь. Может я забыл чего-нибудь!

– Да, пожалуйста,– Серега перекрестился и зачитал молитву.– Ну, давай!

– Забыл сказать.– "Если будет на то Воля Твоя, Господи",– Мишка дакнул на сталь и она с легким звоном распалась на две аккуратные половины.– На, получи,-

Мишка уронил половинку без рукояти на землю и Серега изумленно уставился на нее, а потом опустился рядом с ней на колени.

Глава 5

– И что теперь?– Серега поднял голову и взглянул вопросительно на Мишку.

– Что?

– Зачем мы здесь? Зачем все это затеяли?

– Вот у Господа и спроси.

– Да как же я спрошу, коли Он не разговаривает?

– Он ответ умный в голову дает и сразу понятно, что это не твое, а дано со стороны. Самому долгонько нужно мозгами скрипеть, чтобы и половину понять, а тут раз и готовый ответ. Я это же спросил, так что не будем отвлекать Господа от глобальных дел. Хотя не делит Он свои дела на главные и второстепенные. У Него все главные.

– И что понял?

– А понял, что нет ничего такого выдуманного людьми самого фантастического, что для Него было бы невозможно. И то, что мы во времени путешествуем это мы для него ровно дети с игрушкой забавляющиеся. И пока ведем себя прилично, Он эту игрушку отнимать не будет. Ты думаешь мы своим вмешательством мир сможем переделать? Машинку швейную вот выпускать начнем, потом керогаз какой-нибудь, потом паровоз и Россия изменится? Ни фига мы не изменим. Россия и так много чего первая начала, только все это суе-та сует. Гордыня нас ведет и национальное уничижение, ко-

торое испытываем. Ну, выпустим машинку, станут строчить на ней одежды, времени у людей свободного больше станет и начнут заниматься чем? Херней! Скорее всего,— подвел итог Мишка, неожиданный для Сереги.

— Почему херней обязательно. Образовываться начнут, учиться,— возразил он, нахмурившись.

— Хорошо, выучились все и грамотными стали, а дальше что? Просто раньше на несколько лет, пусть даже на сто, но будет то же самое, что мы имеем в веке 20-ом.

— Но ведь войн можно мировых избежать и народу станет в России почти как в Китае. На первое место в мире выйдем по уровню жизни.

— И что? Выйдем, а потом ляжем под елками и будем радостно поплевывать? Зачем вообще люди живут на Земле?

— Вон ты куда.

— А куда еще? Тут ведь как. Либо в Бога веруешь и принимаешь на Веру, то, что Он говорит о том, что временное пристанище Земля, а жизнь настоящая будет после смерти земной. Либо не веришь и надеешься на саблю, т. е.— на мозги человеческие, на науку, технический прогресс.

— А что плохого в Науке и техническом прогрессе, Миш?— взглянул на друга непонимающе Серега.

— Тут не так вопрос ставить нужно. Не что плохого или хорошего, а зачем?

— Ну и зачем?

— А затем, чтобы заняты были, чтобы учились, чтобы рос-

ли, чтобы думать уметь. И все нормально пока из Науки культ не делают. Слыхал такое выражение "С наукой не поспоришь"? Да как же не поспоришь, когда ничего никогда до конца точно ни в одной области науки не известно и не исследовано. С ней только и спорить в самый раз. Нет, культ из нее сделали. С Богом спорить не боимся, а с "Наукой не поспоришь". Технический прогресс сам по себе не делает людей добрее или злее. Комфорт – это да и больше ничего. И прогресс-то движется чем? Растущими потребностями. Мы вот влезли со своими машинками раньше времени и на хрена они здесь нужны? Население в империи

миллионов тридцать, рынок никакой. Куда продукцию девать? В Европу и Азию. Вот и облегчим им задачи. Зингеру ничего уже выдумывать не нужно, готовенькое возьмут.

– Так запатентуем и бабло с них срубим.

– Потом засолим это бабло в бочки и закопаем, чтобы не прокисло?

– Нет, мы на них построим хорошие дома, стадионы, театры ну и так далее. Культура чтоб росла у населения. Армию самую продвинутую технически сделаем и флот, чтобы никто вякнуть на нас не мог.

– А потом ляжем под березами и поплевывать станем?

– Ну что ты с этими березами? Жить станет народ интереснее. Храмы те же строить будем.

– Эх, Серега, мало что ли храмов построено было Романовыми? Только при Александре -3-ем их 20-ть тысяч постро-

или и при Николае -2-ом еще 7-м тысяч. А до них сколько? В каждом селе храм стоял, большевики задолбались их потом разрушать и в мыловаренные цеха переделывать.

– Так что тогда делать и зачем мы здесь?

– Для себя мы здесь. Показалось нам, что можем изменить историю, возомнили невесть что, вот Господь и позволяет. Пользуемся для этого технологиями допотопников? Да, пожалуйста. Чем бы дитя не тешилось...

– Бесполезно, значит, все?

– Нет, мы становимся другими, значит, не бесполезно. Проблема не в прошлом, проблема всегда в настоящем. И будущее такое, каким мы его делаем. Каждый понемногу.

– погоди, ну вот не дадим мы Москве сгореть, допустим, в 1812-ом. Измениться что-то ведь и у нас там из-за этого?

– Ничего не изменится радикально. Ну не сгорят, ну естественным образом рухнут, износятся. Снесут все эти деревяшки все равно за две-то сотни лет и построят каменные. На десяток другой картин в музеях больше висеть будет и все. Ну и Наполеон быстрее смоемся из России, месяца на два, о чем в учебниках истории пару строк чиркнут. Люди-то не изменятся. Мне вообще непонятна тактика военных действий Кутузова при Бородино. Бились лихо, а потом развернулись и Москву без единого выстрела сдали. Нафига вообще тогда эта Бородинская костедробильня? А Наполеон как себя ведет странно. Взял Москву, посидел в ней пару месяцев до трескучих морозов, да и подался по гололеду обратно, чтобы

наверняка всю армию свою уморить. Это великий полководец? Зачем вообще поперся в Россию? Мотивов не вижу. Ну а если взял землю, то какого хрена ушел с нее сразу? Сначала Кутузов ведет себя как идиот, потом Наполеон как кретин и обоих потом потомки прославляют и памятники ставят. Не война блин, а футбольный матч на выезде. Французы в первом тайме забили русским гол и те, обидевшись, на второй тайм не вышли. Тогда французы, тоже разобидевшись, что матч не состоялся, домой подались по дороге Смоленской. А там злые русские болельщики их /партизаны /, забросали тухлыми яйцами.

– Ты, Миха, все как-то перекрутил. Наполеон ждал, что к нему приползут парламентареры с предложениями мира на выгодных для него условиях. Он бы и содрал три шкуры тогда. Ну а Кутузов Москву оставил, потому что при Бородино потрепали армию, и не могла она город защитить. Пополнение требовалось. До весны резервы бы подтянулись, ну и дали бы французишкам прикурить. А Наполеон понял, что по весне ему кранты. Разведка, небось, тоже не зря хлеб грызла, вот и сорвался в бега. Тем более, что пожар начался и чего сидеть, дым глотать? Но мы-то ему не дадим в Москву войти. Накостыляем раньше. Маленькую поправочку сделаем в истории.

– Поправочки эти никому кроме нас самих не нужны и кто знает а вдруг мы здесь для того только чтобы было так как есть там? А если нас тут не будет, то там будет еще хуже?

– Куда хуже-то? Революция, Гражданская и Вторая Мировая? Народу вполонину меньше, чем быть должно.

– Хуже, Серега, всегда есть куда.

– Собрание общее нужно собирать. Вопросов накопилось и боюсь я, как бы не повторилось нападение, но уже не на меня, а на кого-нибудь из женщин, например, – Серега вертел в руке сабельный обломок, по прежнему стоя на коленях.

– Так сегодня же все и соберутся. Поговорим обо всем. Бери свои железки и пошли в дом.

– Э-э, нет. Ты сказал, что Катерина обратно срастила лезвие. Вот и давай сращивай, – Серега протянул Мишке обломок.

– Нет, Серега, не буду. Пусть так остается, не надо искушений больше и память наглядная тебе. Держи, – Мишка сунул в руку Сереге рукоять. – Хороший нож получился, картошку чистить. Спасибо, Господи!

Ужинали в тесном "семейном" кругу. Петр Павлович принялся спорить с Федором Леонидовичем о методике преподавания, часах и перерывах между ними, остальные молча слушали и не вмешивались.

– Зима на носу, Федор Леонидович. Светлое время суток сокращается из-за этого и нужно все, где писать нужно, перенести на середину дня, а остальное сместить.

– Хорошо, убедили, хотя на свечах экономить я бы не советовал.

– Да не в экономии дело, а в глазах. Устают они от мерца-

ний этих и зрение ухудшается. Хотите через пару лет получить пару взводов очкариков, тогда флаг вам в руки.

– Очкариков нам не надо, поэтому переписывайте, как вам будет угодно, – согласился окончательно Академик. – Тут вот Сергей что-то о вопросах накопившихся упомянул. Давай, пока ни кто не убежал.

– Один вопрос, но главный. Прикинули мы с Михаилом и получается, как ни крути, что кто-то очень нами заинтересовался. Напали на меня не случайно, а по приказу. Кто-то любопытствует сверх меры. Как бы не повторилась попытка. За женщин я наших беспокоюсь. "Завес", конечно, на всех хватит, но ведь есть еще и белошвейки, а с ними сложнее. Как быть? И потом "нос этот любопытный" может просто на просто влезть к нам, наняв кого-то из них. Катерина, ты с девчонками не разговаривала по поводу подобных предложений от кого либо?

– Поговорила. Никто не признался. Полина припомнила, что подходил к ней седмицу назад в кондитерской барин странный. Расспрашивать принялся было. Кто да что. Ну, она у нас за словом в карман не полезет. Отшила, сего дядечку. И что такое могут девицы поведать? Что они знать могут о нас непотребного или Богопротивного. На виду ведь все. Не прячемся. Зря, Сергей Алексеевич, беспокоитесь.

– Нет, Катерина, не зря. Коммерция – это всегда конкуренция, всегда вражда и пакости. Не хотелось бы, чтобы девчонки пострадали невинно. Эти то "любопытные", невесть

что о нас предполагают, вот и начнут жилы тянуть. Мы, конечно, попробуем выяснить, чей это "длинный нос", а пока скажи белошвейкам чтобы поодиночке по городу не ходили. Опасно это.

— Да они сроду по одной-то не выходят. Всегда стайкой вылетают.

— Стайкой. А Полина как же? Сама ведь сказала, что на прошлой неделе к ней "дядечка" с разговорами пристал. Значит, одна была.

— Это же Полина,— улыбнулась озорно Катюша.— Ей можно. Она сама кого хошь схватит и повяжет.

— Все равно и ей запрети ходить одной. Кистенем оглушат и все.

— Ох, страсти-то какие!— ужаснулась Тихоновна.— Неужто, так все серьезно?

— Так, тетушка. Так что вы только с Силиверстовичем вместе и никак иначе. Мы с Серегой завтра околоточного в разработку возьмем. Знает он, кто это нас дергает. Сунем взятку, как водится, и все выведаем. Не впервой. А потом поговорим по душам со злодеями. Утрясем, но пока вы остерегайтесь. И вообще поаккуратнее,— посоветовал Мишка.

— Да что мы, по твоему, ходим по городу, шумим и галдим? И так тише воды, ниже травы, сынуль,— Нина Андреевна руками всплеснула.— Даже вон Кирилл за окна не выпускаем, сидит обиженный. Девчата его закармливали вкусностями, а он привык по улице вольно летать и еде не рад. А все

чтобы внимание к себе не привлекать,— Кирюха, сидящий на плече у Федора Леонидовича, тяжело вздохнул и распустил ирокез на гребне.

— Вон вздыхает.

— Киря хороший,— сообщил попугай всем, что он думает по поводу заключения его под домашний арест.

— Как там Василий-то?— вспомнила о коте Тихоновна.

— А что ему сделается? Побегает по огородам за мышами полевыми. Нечего сваливать было. Ну, поживет час другой самостоятельно. У него сала в запасе месяца на два,— пожал плечами Серега.

— Какие два часа? Мы уже здесь больше месяца. Пора бы и домой заглянуть хоть на денек,— вздохнула скорбно Тихоновна.

— Что-то ты, мать, раскисла? Хоть завтра отправимся и хоть на сколько. Только скажи,— проворчал Силиверстович, желая успокоить супругу.

— А как же я Марфушу-то брошу одну?— всполошилась тут же Тихоновна, взглянув на него укоризненно.

— Найдем пару поварих завтра же и закроем этот вопрос,— шлепнул ладонью по столу Силиверстович.— А вы, добры молодцы, давайте ройте землю, но чтобы супостатов этих в ближайшее время обнаружили и обезвредили. Вон Ивана-кузнеца привлеките, пока он в вашем распоряжении. Ну и за сторожа пусть пока здесь побудет.

Околоточный надзиратель сидел у себя в околотке и зако-

лачивал гвозди в новую подкову на каблуке ботфорт, когда к нему ввалились Мишка с Серегой, застав его за этим, пожалуй, вполне понятным для служивого занятием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.